

ЛИЛИАННА
Судьбе
вопреки

Ирина
Крылова

Ирина Александровна Крылова Лилианна. Судьбе вопреки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8272561

Лилианна. Судьбе вопреки / Ирина Крылова: Издать Книгу; Москва;

2012

Аннотация

Юная девушка из хорошей семьи и представить не могла, что ее жизнь примет столь неожиданный поворот и свидание с любимым обернется тюрьмой, выйти из которой возможно лишь согласившись на брак пугающий и непонятный. Но даже этот странный союз спустя несколько лет покажется тихой заводью, ведь судьба преподнесет Лилианне куда более интересные сюрпризы, приятные и не очень.

Содержание

Англия	4
Испания	48
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Крылова Ирина

Лилианна. Судьбе вопреки

Англия

Дом тети

– Лилианна не уходи далеко.

– Хорошо, тетя, – с улыбкой ответила девушка.

Ей очень хотелось побродить по городу. Вот уже почти год она жила у дяди Филиппа и тети Флоры, в их небольшом уютном доме. Леди Сурье была невысокой пухленькой женщиной, немного суетливой, но очень доброжелательной. Она вырастила троих взрослых детей, которые давно уже жили своими домами. Наверное, именно поэтому тетя с мужем весьма благосклонно встретили племянницу. Впрочем, девушке все равно некуда было идти, так как после смерти родителей это были ее единственные родственники. Муж леди Флоры был из обедневшей дворянской семьи, поместье, которого было заложено еще его отцом. Однако это обстоятельство нисколько не смутило будущего тестя. Он готов был многое отдать, лишь бы его единственная дочь могла называться таким прекрасным титулом как «леди». Впрочем, он

и не прогадал. Леди Флора и лорд Филипп Сурье стали хорошей парой. Они не только вырастили замечательных детей, но и сумели сохранить теплые нежные чувства, несмотря на прожитые годы. И пусть лорд Филипп на людях был человеком сдержанным, даже строгим, дома он до сих пор называл свою жену не иначе как «душенька». Возможно подобные браки, начавшиеся по расчету были достаточно редки, но Лилианна не находила в трогательных отношениях ничего особенного. Ее собственные родители до конца своих дней искренне любили друг друга. Вспомнив о них, девушка погрустнела. Она так любила маму и папу и их маленький, окруженный садом дом. Ей так и казалось, что стоит ей вернуться и она увидит мать, копающуюся в саду и отца сидящего в большом кресле с книгой в руках. Папа был человеком тонким образованным. Он не допускал грубости. Тактичность, любовь к ближнему он прививал не только своей дочери, но и всем прихожанам своего небольшого прихода. Мама же была женщиной сдержанной, редко на людях проявляющей свои чувства. Она безропотно выполняла свои нелегкие обязанности жены vicar. И пусть некоторые прихожане за сдержанность и необщительность называли ее «испанкой», намекая на испанскую кровь, Лилианна знала, что дома мама становилась самой нежной и любящей женщиной на свете. По слухам дедушка Лилианы был каким-то испанским доном, но связей с семьей мать не поддерживала и разговоров на эту тему не заводила. Они жи-

ли очень уединенно, никогда не выезжая за границы своего небольшого городка. И отец и мать были вполне довольны своим небольшим достатком и дружной крепкой семьей. Когда отец, исповедав больного, заразился оспой, мать до последней минуты оставалась с ним, отослав дочь к соседям. Лилианна даже представить не могла, что в тот момент, когда она спешно собирала вещи, это был ее последний вечер, проведенный в доме. Мать умерла через две недели после отца. Даже находясь на пороге смерти, она никого не позвала на помощь, боясь заразить дочь и знакомых этой страшной болезнью. Лишь через месяц, когда был снят карантин, Лилианна узнала о трагической судьбе родителей. После похорон даже личные вещи ей не позволили взять из дома, не говоря уже о чем-то более ценном. Вот так в возрасте тринадцати лет девушка осталась не только круглой сиротой, но и абсолютно нищей. Небольшая сумма, лежащая на банковском счете отца, едва смогла покрыть расходы на похороны родителей. Пару месяцев она прожила у добросердечных соседей, и почти полгода в приюте. Именно туда пришло письмо из Лондона, в котором лорд и леди Сурье не только изъявляли согласие принять у себя племянницу, но и высылали деньги на ее дорогу из Йоркшира в столицу. Конечно девушка знала что у ее отца есть старший брат, но при жизни родителей братья никогда не поддерживали связи друг с другом. Признаться, Лилианна робея, переступала порог их дома, наслушавшись в приюте страшных рассказов о родствен-

никах. Но судьба была к ней благосклонна. Тетушка Флора оказалась женщиной тихой, доброй и радушной. И пусть самого лорда Сурье девушка видела не часто, но и про него ничего плохого сказать не могла. Первое время леди Флора часами сопровождала племянницу во время прогулок по городу, с частыми заходами во всевозможные лавочки и магазины. Сказать по чести Лилианну очень смущала необходимость значительных трат на ее гардероб из не очень большого бюджета их семьи. Но деваться было некуда и девушка смирилась, пообещав себе, что как только у нее появится возможность, она обязательно отдаст своим родственникам все долги. Хотя, что греха таить новые покупки несмотря ни на что искренне радовали юную леди. Впрочем, не только покупки радовали девушку. После тихого маленького городка шумный Лондон просто ошеломил Лилианну. В городе постоянно происходило что-то интересное: то выставки известных художников и посещение музеев, то представление уличных циркачей и шумные воскресные рынки. Очень впечатлили девушку торжественные похороны адмирала Нельсона и открытие новой железной дороги. Наблюдая, как тетя в красивом платье и с высокой прической каждую субботу, под руку с мужем, уезжают в театр, оперу или на званые вечера, Лилианна больше всего мечтала отправиться с ними. Но дядя Филипп был непреклонен. До официального выхода в свет Лилианна не должна была появляться на подобных мероприятиях. Ах, выход в свет! От одной мысли об этом

начинали дрожать колени. Тетя Флора с не меньшим нетерпением, чем сама племянница, готовилась к этому знаменательному событию, наняв для воспитанницы худого длинного француза, учителя хороших манер, и отправив Лилианну в известную в Лондоне школу танцев. Но, увы, как не старалась сама девушка торопить события, до шестнадцатилетия оставалось еще более года. Зато совсем юный возраст снимал некоторые запреты позволяя гулять по городу одной, чем и пользовалась Лилианна. Вот и сейчас, оставив пожилую леди отдыхать, девушка направилась в парк, посмотреть на наряженных, увитых драгоценностями дам, неспешно гарцующих на дорогах скакунах.

О, как ей хотелось хоть немного быть на них похожей! Впрочем, сегодня пробегая парк, думала Лилианна совсем о другом. Месяц назад девушка познакомилась с одним молодым человеком. Их встреча видимо не была случайна, так как молодые люди полюбили друг друга. И не смотря на то, что отец Себастьяна, маркиз де Шуази, вряд ли когда-нибудь даст свое согласие на брак сына с бедной дочерью викария, Лилианна не теряла надежду на счастье. Ведь она происходила из хорошей семьи, да и Себастьян был младшим сыном маркиза. Но меньше всего молодым людям хотелось думать об этом. Они с безрассудством юности наслаждались каждым проведенным вместе часом.

– Через год, к моменту твоего шестнадцатилетия, меня возведут в капитаны. Имея небольшую усадьбу, оставшуюся

от матери и жалование старшего офицера я без помощи отца смогу содержать жену и семью, – как-то сказал девушке Себастьян.

Тюрьма

Она верила ему и считала дни до этой благодатной даты. Тем более что не так давно тетушка намекнула ей, что если все пойдет хорошо, то они с дядей изыщут возможность снабдить племянницу, хотя бы небольшим приданным. Лилианне не терпелось поделиться этой новостью с любимым человеком. Больше всего ей нравилось вместе с Себастьяном мечтать о будущем, о прекрасном совместном будущем. О маленьком уютном доме, возле реки, утопающем в зелени сада, о целом выводке маленьких детишек. С Себастьяном всегда было так весело, так хорошо. Рядом с ним девушка чувствовала себя такой взрослой, ведь молодой человек рассказывал любимой не только о балах и приемах, но и о политической ситуации в стране, ее внутренней политике. Любила слушать Лилианна о дворе, принце-регенте, о безумном короле и бедной отвергнутой принцессе Каролине. Конечно же, она знала о том, что уже несколько лет Англия воюет с Наполеоном, однако только Себастьян подробно рассказал девушке о фигуре самого императора, его диктаторском режиме, реформах, а так же захватнических кампаниях: австрийской, прусской, польской, превративших Фран-

цию в главную державу на континенте. А так же о блокаде английских берегов и небольших, но важных победах десантных групп. Особенно о взятии отрядом Уильяма Бересфорда Буэнос-Айреса, в котором сам Себастьян принимал участие. Слушая его рассказы, Лилианна очень переживала о судьбе любимого, понимая, что век солдата так не долгов. В каждой знакомой семье на фронте воевали отцы, братья или мужья. Сам лорд Майро лишь месяц назад прибыл в Лондон в отпуск, залечивать осколочное ранение в грудь. После любого поражения или победы почтальоны ворохом разносили похоронки. Каждый раз, когда посыльный заходил в дом, тетя Флора сбегала вниз со страхом и надеждой, протягивая к пожилому мужчине руку, не ведая, что ждет впереди долгожданное письмо младшего сына или известие о его гибели.

– Лишь Англия может на равных противостоять разношерстной армии Наполеона! – не раз повторял Себастьян.

Конечно, после ярких побед адмирала Нельсона Англия по праву оставалась Владычицей морей, но Лилианна не очень-то верила, что у английской армии есть хорошие шансы на победу на суше. Впрочем, Себастьяну девушка о своих страхах и сомнениях не рассказывала. Не смотря на ранение и мольбы любимой, он рвался в бой.

Лилианна уже несколько минут стояла возле разноцветной витрины, разглядывая яркие наряды, выставленные на показ. На этой улице всегда было много народу. И знатные дамы, и богатые буржуа с удовольствием оставляли деньги в

магазинах и лавочках, открытых неподалеку. С каким восхищением девушка разглядывала шелковые платья, бархатные накидки и кружевные манто. Уже давно Лилианна положила глаз на изумительно красивый веер. На нем был золотом и разноцветными нитками вышит традиционный китайский рисунок.

– Вот бы у меня когда-нибудь был такой, – вздохнула девушка, прижав кулачки к груди.

Вдруг ей по ноге ударило что-то тяжелое. Наклонив голову, Лилианна увидела рядом со своим ботинком чей-то увесистый кошелек. Видимо кто-то из прохожих выронил его в толпе. Девушка не раздумывая, наклонилась и подняла его. Она увидела констебля в конце улицы и уже повернулась, что бы пойти к нему, как вдруг чья-то тяжелая рука легла на ее плечо. Подняв глаза, Лилианна увидела высокого пожилого мужчину. У него были черные волосы, тонкие губы и крупный с горбинкой нос. Ей хватило одного взгляда, что бы узнать его. Именно этот высокий, неприятный человек уже несколько раз попадался ей в городе. Еще неделю назад Лилианну привлек не только его черный испанский наряд, но и пронзительный взгляд, который казалось был приклеен к ее лицу.

– Неужели он следит за мной? – пронеслось у девушки в голове. Она резко дернулась в сторону, пытаясь вырваться из его железной хватки.

– Стой, воровка! Держите ее! У нее мой кошелек, – вдруг

закричал мужчина.

Несколько секунд Лилианна стояла, вытаращив глаза, соображая к кому он обращается и лишь вспомнив, что кошелек находится у нее в руках, поняла, что именно ее он принял за воровку. Девушка попыталась отшвырнуть от себя злополучную находку, но не успела. Кто-то схватил ее сзади, больно закрутив руку. Кругом подходили люди.

– Воровка. Поймали воровку. Какое безобразие. Такая молодая, прилично одетая! – шумели вокруг.

Сначала Лилианна старалась что-то объяснить, но ее никто не собирался слушать. Уже через несколько часов ее впихнули в большую, переполненную женщинами камеру. Всю ночь девушка просидела, забившись в угол, трясаясь от холода в тонкой ситцевой сорочке. И платье, и чулки и ботинки и даже заколки ей пришлось отдать неряшливо одетой толстой тетки за обещанное покровительство. Лилианне не было жалко одежды, зато к ней никто больше не приставал. Девушке просто необходимо было побыть в тишине и обдумать то, что с ней произошло.

Она была абсолютно уверена, что уже утром поняв кто она и разобравшись в происходящем ее отпустят с извинениями домой. Но, увы, узнав что она из «благородных», ее с утра просто перевели в одиночную камеру. На ее просьбы увидеться с дядей тюремщики отвечали молчанием. И лишь поздно вечером пожилой мужчина вместе с похлебкой принес темно коричневое шерстяное платье, сообщив что завтра

ее вызовет судья. Всю ночь Лилианна не смыкала глаз, очень уж взволновала ее мысль об освобождении. Но, увы, судья был другого мнения. Черноволосый мужчина, как и предполагала Лилианна, оказался знатным испанским грантом – доном Диего Родригес де Сальваро маркизом де Бранчифорте, принцем Пьетраперзия. Человеком очень состоятельным и очень влиятельным. А еще в суде выступили двое подмастерьев, которые якобы собственными глазами видели, как девушка стащила из кармана знатного лорда увесистый кошелек, набитый деньгами. И не смотря на все уверения Лилианны, на просьбы тети и ходатайства ее мужа, судья не захотел оправдать девушку, вынеся обвинительный приговор. Когда охранник втолкнул осужденную в маленькую грязную камеру, расположенную на втором этаже тюрьмы, Лилианна была в таком шоке, что остаток дня пролежала на тощем воюющем тюфяке, вперившись взглядом в потолок.

Она никак не могла осознать, что все это происходит с ней, раз за разом прокручивала в голове события предыдущего дня. Она как сейчас помнила заплаканное лицо тети и сердитые глаза ее мужа. Неужели они поверили, что это сделала она? Ход ее мыслей прервал скрежет отодвигаемых запоров. Девушка даже ахнула, когда увидела высокую фигуру, которую тюремщик пропустил вперед. Испанец стоял молча, ожидая, когда за охранником закроется дверь. Лилианна тоже молчала. От страха, у нее казалось сердце выскокит из груди.

– Зачем вы пришли? – наконец смогла произнести она.

– Хочу вытащить тебя отсюда, – с небольшим акцентом проговорил он.

– Вы наконец-то поняли, что я невинна!?! – обрадовалась девушка.

– Когда я могу вернуться домой?

– У меня никогда не было сомнений относительно твоей невинности. А что касается твоего возвращения домой, то это зависит только от тебя.

– От меня? Я не понимаю.

– Я объясню. Я знаю, что ты невинна. Но остальные, включая твоих родных уверены в обратном. Ты можешь провести в этой камере много лет, а можешь уже утром вернуться в дом своей тетки.

– Конечно же, я хочу вернуться! Что я должна сделать? Что-то страшное?

– Нет, отнюдь, – усмехнулся мужчина. – Просто выйти за меня замуж.

– Что!?! – воскликнула девушка. У нее даже волосы на голове зашевелились, как только она представила подобную перспективу.

– Но зачем?

– Это мое дело, – сухо ответил дон Диего.

– Я не хочу! Я не буду! – затрясла головой Лилианна. Это просто какой-то страшный сон.

– Дело твое. Посидишь тут лет десять и выйдешь больной

старухой.

– Неправда! Меня обязательно вытащат отсюда!

– Кто? Дядя? Или сын маркиза? – усмехнулся испанец.

– Сын!? – оторопело повторила Лилианна. Он знал о Себастьяне. – Так вы за мной следили, шпионили!

– Фу, как высокопарно. Лишь собирал информацию.

– Но зачем?

– Вы мне нужны, юная леди. И я намерен вас заполучить. Девочка моя, тебе все равно придется принять мое предложение, и я советую сделать это сейчас.

– Вы ведь все это подстроили! И ту сцену с кошельком, и суд? – догадалась она, в душе надеясь что он начет все отрицать. Но собеседник лишь промолчал, – Но зачем?

– Я предложил сделку твоему дяде, но он слишком долго соображал. Ваши отношения с этим мальчишкой развивались слишком стремительно. Не мог же я позволить что бы он умыкнул тебя у меня из под носа, – пожал плечами испанец.

После его слов Лилианна несколько минут молчала. Значит все, что с ней произошло, не было случайностью или чьей-то злой шуткой, а было частью хорошо разработанного плана этого странного мужчины. Только зачем? На влюбленного старика он похож не был.

– Но я вас совсем не знаю и вы меня тоже, – наконец произнесла девушка. – У меня нет приданного и влиятельных родственников. Вы ничего не выгадаете, если возьмете меня

в жены.

– Оставьте свои размышления при себе. У меня есть веские причины добиваться вас и возможно когда-нибудь вы их узнаете.

Его высокомерный тон оскорбил Лилианну. Да за кого он ее держит, за ребенка!?

– Зато у меня нет причин хотеть брака с вам, – резко отрезала она.

И повернувшись к нему спиной, отошла в самый дальний угол своей маленькой камеры. Дон Диего понял, что разговор окончен. Однако по тому, как он хлопнул дверью, Лилианна догадалась, что для нее все только начинается. И она не ошиблась. Уже через час из маленькой отдельной комнаты ее провели в другую большую общую залу. Здесь были и ярко накрашенные проститутки в открытых платьях, и грязные попрошайки, с отвратительными язвами по телу. И две крупные высоченные тетки, похожие друг на друга как два яйца от одной несущки. Эти две великанши с жестоким нагловатым взглядом, видимо верховодили в этой не очень приятной компании, так как не успела Лилианна переступить порог как одна из них тут же подошла к девушке. Она бесцеремонно схватила испуганную Лилианну за подбородок, осмотрев ее с ног до головы.

– Какая цаца пожаловала? Что фраера киданула? – растягивая слова, спросила ее подруга.

Лилианна молчала, так как практически ничего не поняла

из сказанного. Не дождавшись ответа тетка больно ущипнула девушку за щеку и услышав как она взвизгнула от боли, ухмыльнулась.

– Не немая. Уже ладно. Че стоишь, платьице скидывай.

У Лилианны уже был небольшой опыт проживания в совместной камере. Она сочла за лучшее подчиниться и трясущимися руками начала расстегивать пуговицы на платье. Уже через несколько минут ее одежда и ботинки были в руках у двух сестер. Девушка стояла, прижавшись спиной к холодной стене камеры. Она с округлившимися от ужаса глазами следила за тем, как делят ее вещи. Лилианна даже взвизгнула от отвращения, когда чья-то холодная рука схватила ее за подол нижней сорочки.

– Снимай, сучка, – потребовала низкорослая старуха.

Ее тощие костлявые коленки едва прикрывали изодранные остатки какого-то тряпья, обнажая перед зрителями покрытые язвами ноги. Лилианна поняла, что скоро она останется в одних панталонах и двумя руками ухватилась за рубашку. Но старуха не унималась. Она дернула сильнее, а для доходчивости больно пнула девушку ногой. Этого Лилианна стерпеть не смола. Все проповеди отца о кротости и терпимости сразу вылетели у нее из головы. Уже через несколько минут две женских фигуры катались по полу, щедро угощая друг друга тумаками. На стороне старухи был опыт, на стороне девушки – молодость. Другие сокамерники обступив дерущихся громко подбадривали то одну, то другую сторону.

В какой-то момент Лилианне показалось, что еще немного и она одержит верх. Но тут ее противница изловчилась и нанесла удар ногой девушке в живот. От сильной боли Лилианна задохнулась и пропустила еще один тычок в бок. Поняв, что еще немного и ее просто убьют, девушка стала звать на помощь. По всей вероятности охранники были где-то неподалеку, так как не успела Лилианна замолчать, как сильные руки оттащили от нее противницу и уже через несколько минут девушку снова провели в ее старую одиночную камеру. Остаток вечера Лилианна проплакала от боли и отчаяния. У нее хватило ума сообразить, кому именно она была всем этим обязана. Но жестокий урок не прошел даром. Утром на вопрос испанца девушка лишь кивнула. У нее еще теплилась надежда на то, что увидев ее царапины и синяки мужчина смягчиться, но никакого раскаяния в черных глазах она не нашла. Умытая и переодетая Лилианна осторожно усаживалась в дорогом, обитым бархатом экипаже испанца. Как ни странно, но на ее освобождение ушло не более получаса и вот девушка, сидя напротив дона Диего, устало поглядывала в затянутое кружевом окно.

Стосбери

– Мы едем на Таун-сквер?

– Нет.

– Но вы обещали! – испугалась Лилианна. Может это по-

хищение?

– Я обещал, что отвезу вас к тете. А она ждет нас в Сто-сбери.

– В Стосбери? Что это?

– Это небольшое поместье принадлежит мне. Вы поживе-те там какое-то время. До нашей свадьбы.

– Я думала вы торопитесь...

– Мне и в самом деле нет резона ждать. Но ваш дядя на-стаивал на соблюдении приличий. О нашей помолвке напе-чатывают в завтрашней газете. Свадьба назначена на конец сен-тября.

– Осенью? – с облегчением вздохнула девушка.

Больше всего она боялась, что сразу после тюрьмы ее по-везут в церковь.

Но уж за два-то месяца она найдет возможность встре-титься с Себастьяном.

– В таком случае мне бы хотелось хотя бы пару недель провести в Лондоне, обновить гардероб...

– Это исключено. У меня нет желания следить за каждым вашим шагом. Да и никаких при людных сцен, портящих ва-шу репутацию, я не потерплю.

Все лето вам с тетей придется погостить у меня.

– Портящих мою репутацию!? – изумилась Лилианна, – Да о какой репутации может идти речь, если для всех я во-ровка!?

– Дитя мое, неужели вы думали, что я намерено запятнаю

честь своей будущей жены? По-моему, на идиота я не похож! Информация об инциденте с кошельком и... всем остальным не попала в светские хроники. Для всех вы еще неделю назад уехали к родственникам, а точнее к кузине, дочери тети Флоры. А от нее, вы вместе с тетей, нанесете небольшой визит вашему будущему мужу, дабы поближе с ним познакомиться, – доходчиво объяснил испанец.

После его слов Лилианну даже озноб прошиб. Этот человек как черный паук медленно, но верно плел паутину, в которую все сильнее и сильнее запутывалась девушка. Какое же у него холодное сердце и извращенный мозг. Для достижения своей цели он без раздумий калечит жизнь других людей. Лилианна не сомневалась, если бы она не дала согласие на брак, то он без зазрения совести оставил бы ее гнить в тюрьме. Хотя совершенно непонятно для чего все это было. Ведь для брака с ней было необходимо лишь заручиться согласием дяди. Только через два месяца, а точнее 1 сентября ей исполнится пятнадцать. Но спрашивать об этом не хотелось. Лучше дождаться встречи с тетей.

– Как долго нам ехать?

– К вечеру мы будем на месте.

– Я есть хочу, – робко сообщила Лилианна.

Мужчина лишь окинул ее взглядом, ни чего не сказав в ответ. Однако уже через час они остановились возле крупного постоянного двора, где им были оказаны прямо-таки королевские почести. Дон Диего воспринял подобострастное по-

ведение хозяина как что-то само собой разумеющееся, Лилианна же была смущена подобным вниманием.

– На суде сказали, что вы принц? – наконец решила начать разговор уставшая от безделья Лилианна.

– Мое полное имя дон Диего Родригес де Сальваро маркиз де Бранчифорте, принц Пьетраперция. Моим прадедом был испанский король Карл пятый. И пусть моя бабка Джованна не была рождена в браке, однако наш род признан одной из ветвей пышного гамбургского дерева.

– А как вас называют? Ваше высочество?

– Нет, можете не рассчитывать на столь громкий титул, – усмехнулся испанец. – Пьетраперция – старинный патрицианский город расположен в центральной Сицилии, основанный еще в начале 12 века. Укрепленная крепость и местность вокруг него, когда-то была родовым угодьем сицилийских принцев, но со временем осталось лишь имя, которое моя мать принесла мужу вместе с маркизанством де Бранчифорте. Основной мой титул дон де Сальваро достался от отца вместе с прилегающими к нему землями. Если не брать официальные представления вас будут называть именно так.

– Ваш род очень знатный? – робко спросила девушка. Маркизы, принцы, короли, все это казалось сказочно неправдоподобным.

– Весьма. Я ношу столь привлекательный титул кузена короля.

– О! – воскликнула Лилианна. Больше она ничего не спро-

сила.

Уже стемнело, когда путешественники прибыли на место. Лилианна так устала от дороги и всего что с ней произошло накануне, что едва бросила взгляд на красивый двухэтажный дом. Даже встречи с тетей девушка была уже не рада. Единственное что ей хотелось так это лечь спать. Леди Флора, увидев племянницу, расплакалась. Но быстро взяла себя в руки и не стала докучать девушке расспросами.

Проснулась Лилианна только к обеду. Тетя Флора, разглядев воспитанницу при свете дня, снова разревелась в голос. Лилианна хотела сдержаться, но не смогла. Воспоминания о том, что было и о том чего уже не будет, нахлынули на нее с новой силой. Уткнувшись носом в тетино плечо, девушка дала волю слезам. Лишь через несколько минут они, подбадривая друг друга, смогли успокоиться. Тетя принесла какую-то мазь и стала обрабатывать синяки и ссадины племянницы. Попутно просвещая девушку относительно событий произошедших за время ее отсутствия.

Оказывается, дон Диего еще месяц назад просил у дяди Филиппа ее руки. Но благородный лорд отверг его из-за слишком юного возраста подопечной. Когда испанец стал настаивать, лорд Сурье указал ему на дверь.

– Ты же знаешь девочка моя, какой принципиальный человек твой дядя. Он ни за что на свете не стал бы принуждать тебя к браку. Тем более что о тебе уже не раз интересовался один очень милый молодой человек...

– Кто? – с замиранием сердца спросила Лилианна.

– Лорд Майро.

– Себастьян? – оживилась девушка и тут же покраснела под испытующим взглядом тети.

– Ты его знаешь?

– Ну, мы... мы виделись в городе несколько раз...

– Понятно, – кивнула тетя. – Мы так и поняли. Дядя решил подождать. Он поставил испанцу условие. Только при твоем согласии на брак он его разрешал. Мы и представить себе не могли, что это может так кончиться.

– Тетя, я не виновата... – всхлипнула Лилианна.

– Девочка моя, ну что ты говоришь! Мы никогда о тебе плохо не думали. Мы сразу догадались, что была это ужасная выходка этого жуткого испанца. Когда дядя понял, что ему не удастся вытащить тебя из тюрьмы, он так переживал, так переживал, – всплеснула руками пожилая женщина.

– Мне даже представить страшно, что тебе пришлось пережить.

– Ничего, тетя, все будет хорошо.

– Я тоже на это надеюсь. Может... может вы сможете с ним ужиться...

– Не знаю... Тетя, я только не могу понять, зачем ему нужно все это?

Может кто-нибудь из испанских родственников оставил мне наследство?

– Ах, девочка моя, когда заварилась эта каша, твой дядя

первым делом навел все справки. Единственный родственник твоей матери, испанский дворянин умер еще при ее жизни. Нам тоже непонятны причины подобного поведения. Еще ладно, если бы он был влюблен, но нет... – покачала головой тетя.

Их разговор прервал приход молоденькой горничной, которая передала им просьбу хозяина спуститься к столу.

– Неужто мы и есть должны по его указке? – нахмурилась леди Сурье, – Интересно, что еще он придумал? Опять какую-нибудь гадость!

Однако новости были хорошие. Дон Диего за обедом сообщал гостям о своем временном отъезде на неделю или более. После его слов обе женщины вздохнули свободно. Остаток дня, при отсутствии хозяина, дамы провели, осматривая дом и усадьбу. Выйдя на улицу Лилианна ахнула, пораженная красивейшим видом открывшимся с крыльца. Именно о таком доме они с Себастьяном мечтали. С озером, с садом и ровными клумбами. Перед домом был разбит большой цветник. Круглые, овальные, квадратные клумбы были расположены в пересечении десятка тропинок, выложенных белой, морской галькой. В сотне метров от крыльца поблескивал водной гладью пруд, обсаженный с трех сторон кустами жасмина и сирени.

Жасмин уже отцвел, но даже сейчас на его кустах можно было заметить самые поздние и такие ароматные белые цветы. С правой стороны от пруда была выстроена легкая ажур-

ная беседка. Она почти до самой крыши была обвита лозами глицинии. Этот редкий вид цветущей лозы был лишь недавно интродуцирован в Англию известным путешественником Ван Гуттом.

– Знаешь дитя мое, это же глициния. Я точно такие же цветы видела на фасаде дома графа Кемберлейского. Они цветут почти все лето, – всплеснула руками тетя.

Она была страстной любительницей цветов. Их маленького сада, разбитого за лондонским домом было явно недостаточно для ее внушительной коллекции флоксов, тюльпанов и низкорослых роз. Впрочем, тетушка любила все цветы без исключения, но особенно редкие и модные.

– Что-то я не заметила ни одного цветка, – с сомнением проговорила Лилианна.

Они уже целый час гуляли по саду. Девушка и слово не могла вставить в бесконечный поток болтовни любительницы цветов.

– Ну, что ты! Это нежный цветок. В нашем климате его вырастить очень сложно. Он начинает цвести не раньше чем через 5-10 лет. Мистер Фоггинс, главный садовник рассказал, что этот сорт называется Нага Нона его цветки лилово-голубые с желтым основанием у паруса. Представляешь, кисти этих цветов могут достигать метровой длины! – с восхищением воскликнула тетя Флора.

Сказать по честному, Лилианну не очень-то уж впечатлило это чудо природы. Ей больше понравилась изумительная

коллекция кустовых роз, всевозможных видов и оттенков. А особенно удивил ровный, выверенный до сантиметра рисунок клумб, а так же ярко зеленые, коротко подстриженные газончики, петляющие между дорожек. Ей даже представить было страшно сколько людей должны были ежедневно трудиться над всем этим великолепием. Но самое обидное, что хозяин навевдывался в эту усадьбу редко, раз в два три года и, по сути, труд этих людей был практически напрасен. На следующий день девушка с тетей исследовали сад, а потом прогулялись через поле к красивой дубовой роще. Впрочем, этими посаженными в три ряда деревьями, и ограничивались их ежедневные прогулки, так как покидать территорию огороженного парка хозяин дома им запретил, сославшись на беспокойную обстановку в округе. Уже через две недели вся эта красота и разнообразие красок Лилианне приелась. Она с большим удовольствием проводила время в обширной библиотеке, собранной еще предыдущим хозяином усадьбы. Тетушка же найдя общий язык с садовником, все дни напролет проводила в розарии. Все чаще и чаще Лилианна тосковала по шумному городу, по магазинчикам, и, конечно же, по Себастьяну. Начался август. За прошедший месяц хозяин появился лишь раз. Те два дня, что дон Диего прожил в доме, показались Лилианне чередой напряженных бесконечных часов. Сам факт присутствия испанца накалял обстановку так сильно, что девушка предпочитала не покидать пределы комнаты. О том, как она будет жить с ним по-

сле свадьбы, в далекой Испании ей даже думать не хотелось.

Тихую жизнь девушки перевернул маленький клочок бумаги, подброшенный на письменный стол. Это была короткая записка от Себастьяна. Молодой человек хотел сам выяснить ее отношение к браку и предлагал начать тайную переписку. С этих пор Лилианна стала совершать ежедневные прогулки до роши. Перед ней на опушке стояли два больших круглых камня. Еще во времена древности они служили алтарем для друидов или для чего-то еще. Между этих двух обтесанных камня была выемка, достаточная для того что бы просунуть в нее руку. Именно здесь влюбленные стали прятать свои письма. Очень скоро Лилианна узнала о том, что лорд Майро весь месяц потратил на ее поиски, испуганный ее внезапным исчезновением и скоропалительной помолвкой. Девушка постеснялась рассказывать ему подробности своего переезда, однако искренне поведала молодому человеку о своем отношении к этому браку и о паническом страхе перед будущим мужем. Оказывается, страхи эти не были напрасными. Себастьян еще в Лондоне навел справки о доне Диего и ему нечем было порадовать любимую. Испанец, как называли его в свете, считался человеком мрачным, заносчивым и жестоким. Несмотря на его знатное имя и крупное состояние его не очень-то приветствовали в светских гостиных. И лишь его тесные родственные связи с испанским королевским домом открывали для него некоторые английские двери.

Общество взахлеб обсуждало его помолвку с юной английской леди. Знатные кумушки роняли слезу, рассказывая друг другу о страшной судьбе девушки. Убедившись в постоянстве чувств возлюбленной, Себастьян стал готовиться к их совместному побегу. Организовать его было не просто, так как усадьба хорошо охранялась, а за невестой дона по приказу хозяина, было устроено наблюдение. Несмотря на все сложности, Лилианна подбодренная присутствием любимого человека, вздохнула свободно. Наконец-то у нее появился хороший шанс избежать ненавистной свадьбы. Девушка безгранично верила Себастьяну. У нее и мысли не возникало о том, что что-то может не получиться. Они уже назначили дату побега на начало сентября, когда все их планы смешала Ее Величество погода. С конца августа зарядил мелкий дождь. Первые дни Лилианна изыскивала причины для прогулок. Сначала, она сказала что забыла у дерева книгу, потом что обронила платок. Несколько раз она хотела признаться во всем тетушке, но в душе-то она знала, что леди Флора никогда бы не одобрила их дерзкий план. Дядя с тетей были люди, как говорится старой закалки.

И от себя и от окружающих они требовали неукоснительное соблюдение правил и приличий. Дядя Филипп больше всего на свете гордился кристальной репутацией своей семьи. Лишь через неделю начала налаживаться погода. Сильный дождь с ветром сменился противной моросью. Но потом одним хорошим утром выглянуло солнце. Не успела Лилиан-

на обрадоваться этой перемене как услышала шум подъезжающей кареты. Увидев через окно высокую черноволосую фигуру, девушка ахнула. Сейчас был, пожалуй, самый неудачный момент для приезда дона Диего. Его присутствие в доме сильно затрудняло побег, однако Лилианна все еще надеялась на лучшее. Лишь когда большая крытая карета увозила тетю с племянницей обратно в Лондон, девушка поняла, как мало времени у них осталось. Все три недели, оставшиеся до свадьбы, были плотно заполнены примерками, магазинами, портнихами, обувщиками и учителями хороших манер. Замужество с богатым знатным человеком, да еще столь необычным сделали Лилианну весьма популярной фигурой в столичных гостиных. Больше всего девушке хотелось ответить на одну из ароматных глянцевых карточек и нанести кому-нибудь визит. Но дон Диего был категоричен. Его здоровье не позволяло ему бывать на званых вечерах, а его невеста посещать их без его личного сопровождения не могла. И не смотря на то, что подобная эгоистичная позиция была осуждена и родственниками невесты и светом, Лилианне по-прежнему приходилось жить практически в заточении. После того как на свадьбу съехались взрослые дети тети Флоры, вместе с семьями, невесте, в сопровождении тети и кузины, леди Оливии пришлось перебраться в мрачный дом жениха на знаменитой улице Пикадилли. Лилианна с первого взгляда возненавидела это темное, неудобное здание. Оно как нельзя лучше соответствовало характеру хозяина, три жен-

щины чувствовали себя в нем не очень комфортно. И даже веселая леди Ольвия, дочка тети Флоры, начинала шутить только когда им удавалось покинуть мрачные стены старого дома.

Лилианна стояла и лениво разглядывала яркую витрину, ей до чертиков надоели все эти наряды, платья и магазины. Вот если бы она могла выбрать сама. Что-то красивое модное и яркое. Но дон Диего предъявил строгие требования к цвету и фасону ее одежды. Мода Испании сильно отличалась от английской. Лилианна стояла в ожидании тети, лениво оглядываясь вокруг. В этот пасмурный сентябрьский день хотелось сидеть у камина с книгой в руках, а не бродить по раскисшим улицам. Девушка даже взвизгнула, когда кто-то резко схватил ее за руку. Но быстро притихла, узнав в закутанном плаще мужчине Себастьяна. Они быстро прошли вглубь магазина, дабы не привлекать к себе лишнего внимания.

– Себастьян! – одними губами прошептала девушка.

– Любимая моя, хорошая. Как ты?

– Через два дня свадьба. Сегодня последняя примерка платья, – сказала Лилианна и неожиданно расплакалась.

– Ну, что ты девочка моя, не плачь! Я обязательно вытащу тебя отсюда. Я все подготовил. Завтра после утренней мессы ты увидишь на ступеньках церкви одноглазого нищего. Подойди к нему, а потом скажи тете что хочешь подать милостыню его детям, которые попрошайничают на углу. Вряд ли тебе откажут. Нас будет ждать карета. Я увезу тебя далеко,

далеко.

– Но я не могу. Послезавтра свадьба. Если я убегу, то опозорю всю семью! Как я могу так поступить, когда тетя и дядя были так добры со мной?

– Не волнуйся, любимая. Твой дядя знает о наших чувствах. Лорд Сурье ненавидит испанца и готов пожертвовать добрым именем лишь бы ты была счастлива.

– Это правда!?

– Да. Клянусь.

– Я все сделаю. Я люблю тебя, – прошептала Лилианна.

Она готова была на все. Ей так хотелось еще мгновение побыть рядом с любимым человеком, поговорить. Она даже осмелилась положить руку на рукав Себастьяна, но вдруг услышала голос леди Флоры.

– Я здесь, тетя, – откликнулась Лили и опрометью побежала к выходу. Теперь никакой дождь ей был нипочем, ее переполняла надежда.

Свадьба

До вечера Лилианна просидела как на иголках. У нее буквально все валилось из рук. Даже тетя спросила, хорошо ли она себя чувствует. Дон Диего тоже все чаще останавливал на ней свой взгляд. В конце концов, девушка решила за лучшее удалиться к себе. На весь вечер тетя Флора и Оливия уехали в дом дяди. До свадьбы оставался один день, а

дел накопилось немало. Лилианна еще днем собрала небольшой узелок, который можно было спрятать под платьем. В нем были самые необходимые вещи. Оставалось только вытащить из ящика стола в кабинете донна Диэго согласие лорда Филиппа на брак. Только в этом случае испанец не сможет по закону аннулировать брак Лилианны и Себастьяна.

Помолившись, девушка осторожно стала спускаться с лестницы. Гостевые комнаты находились на втором этаже дома. Только спальня хозяина была на первом этаже в правом крыле, так как дону Диэго было сложно подниматься по лестнице. Даже, несмотря на молчание, было понятно, что у испанца больные ноги. Тетя с Оливией вернулись еще час назад. Они были такие уставшие, что сразу разбрелись по комнатам. В коридоре Лилианна прислушалась. Но дом опустился в дремоту. Даже шагов слуг не было слышно. Вот и заветная дверь. Девушка уже знала, где именно хранилась бумага, если конечно дон Диэго ее не переложил. Войдя в комнату Лилианна начала осматривать стол и открывать ящики, но в темноте в этом не было смысла. Тогда девушка зажгла свечу, вставленную в канделябр. По крайней мере так она сможет хоть что-то разглядеть. Верхний ящик стола был заполнен бумагами, но ничего похожего на необходимый документ девушка не находила.

– Может вам помочь? – вдруг услышала Лилианна знакомый голос. От неожиданности она даже выронила папку с бумагами, которые сразу разлетелись по полу.

– Вы!?! – побелевшими от страха губами прошептала она.

В высоком кресле у камина сидел дон Диего. На его ноги был накинут теплый черный плед. Даже при свете свечи его было практически не видно.

– Что вы здесь делаете?

– Жду вас.

– Но как... как вы узнали?

– Вы ведь хотите бежать, не так ли?

– Но...

– Я видел это по вашим глазам. Они искрились надеждой.

– Но... почему вы здесь?

– Ну не буду же я сторожить вас в коридоре. Для бегства вам необходима одна бумага, поэтому я здесь.

– Прошу вас отпустите меня! – взмолилась девушка.

Она понимала, что все пропало. Всклипнув, Лилианна упала на колени перед креслом дона Диего. Может ей удастся разжалобить жениха? Но испанец сантиментов не терпел. Он с силой оттолкнул девушку от себя.

– Отпустить!?! После всего того на что я пошел из-за тебя, идиотка!

– Зачем я вам? Ведь вы не любите меня, вы никого не любите!

– Люблю! Любил всю жизнь. Хочешь узнать кого? – спросил мужчина и, не дожидаясь ответа, схватил девушку за плечо и почти волоком куда-то потащил.

Сначала Лилианне было любопытно. Но поняв, что они

направляются в спальню, девушка стала упираться.

– Прекрати! Не собираюсь я тебя насиловать, – пробурчал дон Диего.

Впихнув девушку в спальню, он сразу, отдуваясь, сел на кровать. Было заметно, что даже небольшое усилие дается ему с трудом. Пока хозяин комнаты восстанавливал силы, Лилианна оглядывалась вокруг. Она ни разу не была в этих затемненных, богато обставленных апартаментах, состоящих из спальни, гардеробной, гостиной и туалетной комнаты. Теперь она поняла, почему спальня хозяина занимает половину первого этажа. Девушка стала оглядывать интерьер комнаты, но вдруг застыла. Над креслом висел большой портрет в позолоченной раме. На нем была изображена совсем юная девушка в традиционном испанском платье и белоснежной кружевной накидке. Но смутило Лилианну другое. Ее глаза, черты лица, тонкий, чуть с горбинкой нос...

– Ма... мама!?

– Да.

– Но как... кто...

– Сядь дитя мое, мне пара многое тебе рассказать. Ты можешь удивиться, но когда-то и я был молод, влюблен, горяч. Да... Я любил и был любим самой лучшей девушкой на свете. Как ты уже догадалась – это была твоя мать. Омелья. Она была дочерью знатного богатого человека. И была с детства помолвлена со мной. Да, да, не удивляйся. Наши родители были дружны. Я много времени проводил на гаси-

енде дона Педро, отца Омелии. Частенько и они приезжали к нам. Сначала я просто смотрел, как она играет, потом начал приглядываться к ней. В какой-то момент я понял, что влюблен в эту красивую молчаливую девушку. Я был самым счастливым человеком на свете, когда понял, что мои чувства к невесте взаимны. Мать Омелии была английской дворянкой, по слухам красавицей. Не знаю, она умерла молодой. Их с братом Идальго воспитывал отец. Наверное, именно это смешение крови делало красоту Омелии столь возвышенной, тонкой, неземной.

Дон Диего замолчал, уставившись глазами на портрет. Он настолько погрузился в воспоминания, что Лилианне пришлось кашлянуть несколько раз, прежде чем пожилой мужчина очнулся.

– До свадьбы осталось лишь несколько месяцев, когда однажды в саду дона Педро я получил от любимой куда больше, чем невинный поцелуй.

Все было так нежно, так трогательно. Это был лучший день в моей жизни... и худший из них. Мы забыли о времени. Отец Омелии попросил ее брата поискать нас в саду. Мы выходили из беседки, когда нас нашел Идальго.

Он все понял по нашим лицам, по нашим глазам. Я до сих пор не понимаю, почему он не промолчал, ведь наши родители уже всю готовились к свадьбе. Но... Идальго не был мне, ни другом, ни врагом. Он был на много младше меня и у нас вобщем-то просто было мало точек пересечения, раз-

ный круг знакомых. Не знаю, как бы я поступил на его месте.

Возможно, оставил все как есть. Но он не оставил. Ни разу в жизни я больше не слышал столько оскорбительных слов, сколько брат Омелии вылил мне на голову. За сотую часть сказанного можно было получить вызов. Но я молчал, а он нет. На шум вышел дон Педро и увел детей в дом. Я ушел. Не знаю, отговаривал ли дон Педро сына от дуэли или разжигал в нем ненависть ко мне. Я до последнего надеялся, что все обойдется. Но рано утром мы встретились снова. Я дал себе слово, что ни за что не убью брата своей невесты и старался его сдержать. Я готов был на ранение или на смерть, лишь бы она поменьше страдала. Я выстрелил в воздух, не задев его волос. Он же выстрелил в меня. Не в руку, не в ногу, не в голову... он попал мне в пах. Не буду описывать тебе, что я пережил в тот момент. Я сразу понял, что уже никогда не стану прежним... я до последнего надеялся, что это было ошибкой, случайностью, но увидев на лице этого мальчишки ухмылку, не сдержался. Я выхватил тонкий кинжал из сапога, с трудом нащупав рукоятку, скользкой от крови рукою и бросил его наугад. Я попал ему в сердце. Идальго умер на месте. Даже находясь в бреду в доме отца, я просил родителей договориться о примирении. Только через несколько месяцев, окончательно встав на ноги, я узнал что дон Педро меня не простил. Но хуже всего было то, что за все это пришлось больше всех расплатиться моей нежной Омелии. Сразу после похорон брата отец отдал ее в жены приходскому

священнику, служившему в одной из протестантских церквей. Сразу после свадьбы, при поддержке тестя, этот прислужник увез Омелию к Англию.

– Это мой... мой отец? – прошептала Лилианна.

– Нет дитя мое, ты родилась через восемь месяцев после свадьбы. Твой отец я.

– Вы!? – в изумлении прошептала девушка. Смысл сказанного плохо до нее доходил.

– Да. Я!

– Нет, неправда. Мой отец – сер Леон. Он хороший, добрый....

– А еще нудный, мягкотелый и нищий.

– Нет! Он был правильный...

– Слишком уж.

– Папа любит мать. Они были счастливы.

– Если бы он сделал ее несчастной, я бы убил его давно.

Но он и в самом деле ее любил. А вот она может любила, может терпела. Ни разу я не видел на ее лице улыбки.

– Вы были в Йоркшире? – догадалась Лили.

– Да. И часто. Я видел как моя нежная Омелия работает в саду, не жалея рук, как бьется борясь с нищетой. Как терпит насмешки этих грязных свиней, этой паствы, как возиться с их детьми, которых ненавидит, – выкрикнул дон Диего.

Он был возбужден настолько, что у него начали трястись руки. Лилианна понимала, что в его словах была доля правды. Ей самой всегда казалось, что мама не должна так жить,

что она создана для чего-то другого. Мама исполняла обязанности жены викария как бы через силу и люди чувствовали это. Многие ее не любили, мало кто понимал. Но одна девушка знала точно – отец и мать любили друг друга. Дома мама становилась совсем другой. Чуткой нежной ласковой. А вот была бы мама счастлива с доном Диего – это еще вопрос.

– Так это вы пять лет назад оставили крупное пожертвование в церкви, после пожара? – вдруг вспомнила Лилианна. В тот год мама уговорила отца оставить часть из этой суммы и покрыть прохудившуюся крышу.

– Да, я. Я видел, как твоя мать бьется, пытаюсь хоть как то свести концы с концами. Как штопает перештопанное белье.

– Спасибо вам.

– Не за что. Я так многое хотел ей дать, но, увы, не мог. У меня не было прав на ее прощенье.

– Мама знала, что вы... ну были там?

– Нет, конечно. Как мог я снова разрушить ее жизнь? Лишить ее покоя, которого никогда сам не имел? Надеялся что когда-нибудь..., но не успел.

– Мама заболела... она не хотела, что бы кто-то еще заболел...

– Я был в Испании... если бы только я знал. Я бы горы свернул, что бы быть рядом с ней, что бы...

– А я не смогла, мне не разрешили... – вдруг заплакала Лилианна.

Воспоминания прошедшего года нахлынули на нее опять. Дон Диего положил свою горячую тяжелую руку девушке на плечо.

– Не плачь. Жизнь не стоит на месте. Я не смог помочь твоей матери, но смогу помочь тебе. У меня никого больше нет. Родители и старшая сестра давно уже умерли. Я остался единственным наследником огромного состояния нашей семьи.

– Вы так и не женились?

– Нет. Та ночь любви была последняя в моей жизни. А заводить фиктивный брак мне не хотелось, да и достойных кандидатур я не нашел. Возможно, надеялся что когда-нибудь... – дон Диего вздохнул, разговор явно давался ему с трудом. – Не отказывай мне, девочка. После моей смерти ты станешь очень богата. А мне недолго осталось.

– Простите дон Диего, но я люблю Себастьяна. Вы не старый и сильный...

Я... я боюсь вас. Я не хочу уезжать из Англии. Простите меня, я хочу остаться здесь, – робко проговорила Лилианна.

– А ты оказывается маленькая эгоистка? – усмехнулся испанец. – «Я хочу, я не хочу». Мечты редко сбываются. С чего ты взяла, что сын маркиза захочет на тебе жениться?

– Он хочет! – яростно закричала Лилианна. Как смел он сомневаться в этом!

– Ну, ладно. Он влюблен, поэтому глуп. Но неужели ты надеешься, что его отец, влиятельный маркиз де Шуази, при-

мет тебя в дом? Подумай девочка, из-за любви к тебе твой Себастьян может потерять семью, дом, наследство.

– У Себастьяна есть поместье, доставшееся от матери. Он не будет ничего просить у своего отца. Мы будем жить там. Нам многого не надо. Я буду вести дом...

– Ну и дура. Как говорят в народе: «Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда».

– Себастьян не позволит мне голодать!

– Ладно. А о тете и дяде ты подумала? Публичный скандал испортит их репутацию. А я сделаю все, что бы они сполна заплатили за твой побег.

– Вы не посмеете!

– Ну почему же? Я человек мстительный, да и общественное мнение будет на моей стороне. К тому же мне и стараться сильно не придется. По закону расходы на свадьбу делятся пополам между двумя семьями. Подоброте душевной я оплатил их сам. Но если у меня из-под носа уведут невесту, я вправе потребовать возмещение всех расходов. Интересно, какого будет твоему гордому дяде в тюрьме должников? Или может быть твой Себастьян покроет все расходы? – усмехнулся дон Диего.

Лилианна молчала, медленно переваривая услышанное. Она уже поняла, что надеяться на благородство и сострадание испанца не приходилось. Она снова запутывалась в его искусно сплетенной паутине. Если бы только поговорить с Себастьяном. Но он может наделать глупостей, о которых

оба потом пожалеете. Нет. Поставить свою жизнь на карту девушка еще могла, но вот подвести тетю и дядю было нельзя.

– Что ты решила?

– Я... я согласна. Только не трогайте мою семью и... Себастьяна.

– После свадьбы мы уедем в Испанию и мне будет все равно, что здесь происходит.

– Неужели вас не волнует, что я ненавижу вас!? – в отчаянии спросила девушка.

– Стерпится, слюбиться. Мы просто будем жить под одной крышей. Это не плохая плата за богатство. Многие идут на преступления лишь бы добыть сотню фунтов, а тебе на блюдечке принесли состояние и упрашивают его взять. Хватит смотреть на жизнь сквозь розовую дымку. Только деньги позволят тебе занять достойное положение в обществе. С ними ты сможешь помочь тете, или выйдешь замуж за Себастьяна. Если он, конечно, тебя подождет, – спокойно посоветовал дон Диего.

Его будничным тоном покорила Лилианну. Он говорил так, как будто речь шла о чем-то мелком. «Сходи на рынок, купи картошку, не понравится – выкинешь, купишь морковь». Как можно на одну чашу весов ставить чистую светлую любовь Себастьяна, а на другую деньги? Но угроза для благополучия тети и дяди была реальной. Нет, все-таки девушка понимала, что не сможет отплатить черной неблагодарностью

на всю их заботу и внимание. Вот если бы у нее были деньги. Хоть немного, что бы оплатить расходы на свадьбу.

– Вы говорили, что мой дед был человеком влиятельным и богатым. Но после его смерти мама практически ничего не получила. У меня есть еще родственники в Испании? – робко спросила Лилианна.

– Нет. Твой дед был последним в семье. Сына он потерял, с дочерью не общался. Тетка твоя умерла родами. Относительно английских родственников бабки я ничего не знаю. Дон Педро никогда о них не упоминал. Та трагедия сильно повлияла на его разум. Он сначала с головой ушел в религию, потом в благотворительность.

– Вы перечислили деяния моего деда как будто это что-то порочное, – возмутилась Лилианна.

– Излишняя благодетель часто становится хуже небольших пороков. Помогать людям нужно с умом. А когда транжиришь все впустую, бросая в грязные руки...

– Где вам понять благородство души! – съязвила девушка. Однако ее реплика испанца не задела.

– Он отдавал свои деньги старым проституткам, доживающим свой век при монастыре, сиротам, калекам, бродяжкам, праздно шатающимся по улицам. Он щедро одаривал всякие фонды, не понимая, что большая их часть оседает в чужих карманах. До голодных детей и стариков из этого мало что доходило.

– Так бывает всегда, – обронила Лилианна, вспоминая

опыт отца.

– Нет. Если ты что-то делаешь, бери это в свои руки и делай хорошо или не начинай совсем. На его деньги можно было бы построить десяток школ или домов для сирот или помочь сотне конкретных людей. И в первую очередь, помочь своей дочери, или хотя бы простить ее и принять. Сладкие подачки не исправят черствого сердца.

– Вам видимо хорошо это известно.

– Возможно, ты права. Жизнь достаточно меня побила, что бы выбить из моей головы сентиментальную блажь. Что ты решила?

– Я выйду за вас замуж.

– Хорошо. Тебе придется уехать со мной. В Испании строгие нравы. Ты должна будешь соблюдать традиции и правила этой страны, но я постараюсь не сильно докучать тебе своей компанией.

Лилианна сидела в темноте. Кровать в спальне мужа казалась просто огромной. Впрочем, девушку пугала не только кровать. Все в этой большой комнате было каким-то жутким, почти неживым. В камине ярко плясал огонь. Он отбрасывал причудливые блики на мебель. Дон Диего, привыкший к теплему климату своей страны, приказывал топить в любое время года. Лилианна просто задыхалась в этой душной комнате. Не смотря на то, что на ней была только легкая кружевная рубашка, лоб девушки покрылся испариной. Час назад молоденькая горничная сняла с новобрачной роскошное

парчовое платье и подготовила хозяйку ко сну.

Дон Диего, как и обещал, лег спать на низкой кушетке в гостиной. Видимо ему было весьма удобно, так как уже через несколько минут Лилианна услышала его храп. Сама девушка так и не смогла сомкнуть глаз. События двух предыдущих дней раз за разом прокручивались у нее в голове. Если после разговора с доном Диего Лилианна еще надеялась что у нее получится предупредить Себастьяна и у них еще что-нибудь когда-нибудь наладиться, то сейчас эта надежда окончательно покинула душу девушки.

На пороге церкви Лилианна так и не смогла подойти к одноплозому нищему, так как в это утро на службу их сопровождал сам дон Диего. Она лишь умоляющим взглядом посмотрела в глаза Себастьяна, проходя мимо. Если бы только девушка знала, чего будет стоить им этот брошенный недолгий взгляд.

Одно мгновение Себастьян видел перед собой тоненькую фигурку, спускавшуюся по лестнице. Рядом шел испанец, черной птицей нависая над испуганной девушкой. Лилианна смогла подарить молодому человеку лишь быстрый робкий взгляд. Но Лорд Майро успел прочесть в глазах любимой и отчаяние и тоску и печаль. Он не ведал о причинах побудивших девушку согласиться на брак и, конечно же, стал подозревать самое худшее. И чем ближе приближалась церемония, тем ужаснее представлялось Себастьяну жизнь Лилианны в доме будущего мужа. Он во что бы то ни ста-

ло, решил вызволить любимую из страшных когтей испанца. Решимость молодого человека множилась после того как он узнал о негативном отношении родственников Лилианны к ее браку.

Заручившись поддержкой лорда Сурье, Себастьян разработал дерзкий план. Он понимал, что даже в случае удачи, и он и Лилианна на многие годы будут отвергнуты светом, но согреваемый любовью молодой человек готов был на все, лишь бы девушка не досталась пожилому испанцу. Церемония проходила в одном из лондонских соборов, расположенных на севере столицы. Гостей было не много, хотя свадьба юной девушки со старым испанцем наделала много шума. Знатные матроны и праздно шатающиеся щеголи небрежно, как бы случайно прохаживались около церкви. Для них это был лишь бесплатный спектакль, в то время как для самих участников церемонии все это походило на трагедию. Не смотря на помощь лорда Сурье, Себастьян так и не смог увидеться с Лилианной, которая в нарушении всех традиций проживала в доме будущего мужа. Слишком уж хорошо ее охраняли прихвостни испанца. Даже карету с невестой сопровождали конные всадники. Тщательно подготовленный план Себастьяна рушился на глазах. Поняв, что время упущено и невеста уже стоит у алтаря, молодой лорд предпринял последнюю отчаянную попытку. Услышав традиционную фразу священника о том что «тот кто знает причины, препятствующие этому браку пусть говорит сейчас или мол-

чит всегда» молодой человек вышел на красную дорожку.

– Я знаю подобные причины! – четко выкрикнул Себастьян.

– Кто вы? – спросил пожилой священник, с трудом перебивая шум, поднявшийся в церкви.

– Я лорд Майро, сын маркиза де Шуази. Я утверждаю, что этот брак не может быть совершен, так как невесту силой принудили идти к алтарю. А это противоречит не только законам церкви, но и английским законам.

– Правда, ли это, дитя мое? Подтверждаете ли вы слова данного господина? – обратился служитель церкви к невесте.

Лилианна стояла ни жива ни мертва. У нее и в голову не пришло, что Себастьян может осмелиться на такое. При людной скандал. Она от всей души хотела броситься по узкому проходу к любимому человеку и уйти вместе с ним на глазах ошалевшей толпы. Но как она могла на такое осмелиться, когда крепкая рука дона Диего до боли сжала ее запястье. Девушка хорошо помнила их последний разговор с испанцем и его угрозы по отношению к дяде. Ее сердце рвалось вперед, но чувство долга останавливало на месте. Лицо Себастьяна покрывалось сероватой бледностью по мере того как затягивалось молчание невесты. Девушка стояла не в силах поднять глаза. Она слышала шепот, возгласы. Лишь когда молодой лорд повернулся, что бы уйти, девушка осмелилась на него посмотреть. Но лучше бы она этого не делала. На всю оставшуюся жизнь в ее память врезался его полный

презрения взгляд. Лилианна не помнила, как она смогла выстоять до конца церемонии, как выдержала долгий банкет, на котором гости практически не разговаривали друг с другом. Еще тяжелей девушке было выдержать неприятную сцену с дядей. Когда сдержанный, тактичный лорд Сурье назвал ее дурой и трусихой, Лилианна потеряла дар речи. Ведь именно из-за него ей пришлось пойти на этот шаг. И вот вместо благодарности она получила лишь оскорбление, брошенное в лицо и поспешный уход родственников. Лишь Оливия пожелала ей быть счастливой и быстро ушла за отцом. Тетю Флору, шокированную происхождением увел сын, не позволив даже проститься с племянницей. Лилианна, сидя в огромной постели мужа, раз за разом прокручивала в голове события прошедшего дня. Девушка так и не смогла понять, чем она заслужила подобного отношения родственников.

Испания

Гасиенда

– Донья Лилианна, обед готов, пожалуйста к столу.

– Иду, Бетина, – откликнулась девушка, вытирая испачканные краской руки.

Вот уже почти год донья Лилианна Сальваро жила в Испании. Дон Диего тяжело перенес морское путешествие и дорогу по континенту. Единственное, на что надеялась Лилианна, это что воздух родины придаст ему силы, но, увы, ее надежды не оправдались. Дома дона Диего ждали неутешительные новости. За те полгода, что его не было в стране, произошли разительные перемены. Еще по дороге Лилианна узнала, что король Испании Карл IV был человеком добродушным, однако, неспособным к управлению. Он находился под влиянием своей умной, но безнравственной супруги, Марии-Луизы Пармской. Эта испанская королева прославилась на всю Европу своей распущенностью и расточительностью. Она вместе со своим любовником Годоем, герцогом Алькудия или как он называл себя «Князем мира», абсолютно расстроили государственное управление и финансы Испании. Однако терпение народа и знати, наконец, кончилось.

На гасиенде с радостью встретили весть о свержении Годоя. Мать дона Диего происходила из королевского дома испанских Бурбонов. Дон Сальваро был не только близким родственником, но и другом Карла. Он лютой ненавистью ненавидел королеву и ее любовника. По случаю падения Годоя было открыто несколько бочек старого вина, которое даже сам хозяин оценил как превосходное. Однако это эйфория была недолгой. Уже 18 марта 1808 г. король был вынужден отречься от престола в пользу инфанта Фердинанда. Вскоре после этого Карл IV назовет свое отречение вынужденным и возьмет его обратно. В Байонну Фердинанд после долгих колебаний и переговоров отказывается в пользу отца от короны, а тот тотчас же передает свои права Наполеону. Дальше события приняли совсем уж неожиданный для испанцев поворот. Испанскую корону, минуя тысячелетнюю традицию, возложили на голову Жозефа Бонапарта, старшего брата Наполеона. Иосиф Бонапарт, король неаполитанский, в присутствии хунты испанских и американских представителей, 6 июля 1808 года был провозглашен королем Испании. Весть об этих событиях и о том, что 20 июля Иосиф торжественно въехал в Мадрид. Вызвали у дона Диего сильный приступ. Сначала у него отнялась левая рука и нога, стала невнятная речь, ухудшилась память, участились длительные судороги, которые заканчивались полным упадком сил.

Несколько месяцев лучшие врачи Испании толпились в доме. Они наладили речь и память, но, увы, не смогли по-

ставить пожилого мужчину на ноги, у него полностью отказала нижняя часть тела. Дон Диего тяжело переживал свой недуг. Он и раньше не отличался мягкостью и тактичностью, а уж сейчас общаться с ним стало совершенно невыносимо. Те нежные чувства, которые мужчина до сих пор испытывал к Омелии, никак не перенеслись на их дочь. С женой дон Диего вел себя так же грубо, как со слугами. И если днем Лилианна старалась не попадаться мужу на глаза, то совместные ежедневные обеды стали для девушки пыткой. Любой ответ на его вопрос или молчание могло вызвать вспышку гнева хозяина. Дон Диего мог ни только не выбирая выражений, оскорбить молодую жену при людях, но и запустить в нее посудой или едой. Благо все это не долетало и до середины, длинного сервированного прислугой стола. Лилианна с ужасом вспоминала первые месяцы проведенные в доме мужа. Мама с детства обучала дочь испанскому языку и девушка этим весьма гордилась. Лишь переехав границу, Лилианна обнаружила, что ее знаний для разговора совсем недостаточно. Беглая испанская речь просто выбивала ее из калии. Мало того, что она никак не могла уловить суть разговора, но даже прислуга не всегда понимала требования новой госпожи. Привыкшая к почтительному отношению в Англии, девушка ни как не могла привыкнуть к насмешкам, которые осыпали ее не только муж и знатные соседи, но и собственные слуги. Похоже что бы она не делала, по их мнению она делала не так. Если она пыталась что-то сделать по дому, эконо-

номка с презрением отвергала ее помощь. Если она проводила весь день, не вылезая из комнаты, слуги тут же начинали шушукаться по поводу ее нелюдимости. Конечно, если бы сам хозяин дома относился к жене по-другому, слуги не смели бы так себя вести. Но лишь по прошествии года, в доме начали относиться к Лилианне не как к пришедшей англичанке, а как к молодой, неопытной хозяйке большой усадьбы.

Первый год гасиенду почти не посещали соседи, так как нрав хозяина отпугнул даже самых верных из его друзей. И девушка была этому рада. В обществе высокомерных испанских грандов она чувствовала себя неуютно. А с их женами она никак не могла найти общий язык. Постепенно Лилианна привыкла к уединенной жизни в поместье, к неспешным пешим прогулкам к озеру или к быстрым скачкам по окрестным полям. Она любила лошадей, восхищаясь их норовом и статью. А еще Лилианна могла часами наблюдать, как повара ловко готовят какие-нибудь вкусные блюда, острой испанской кухни. Старая Пахида с первых дней приняла хозяйку и каждый день подкармливала девушку не только свежей выпечкой, но и бесчисленным множеством всевозможных историй. Именно от нее Лилианна узнала о родителях донна Диего, о старшей сестре, несколько лет назад скончавшейся в монастыре, о соседях, о слугах и о многом другом. Но главное увлечение молодой женщины было не это. Уже несколько лет Лилианна с увлечением рисовала акварелью. Рисовала натюрморты, пейзажи, цветы, лошадей, делала зарисовки

портретов слуг. Она упростила мужа отвести под мастерскую светлую комнату в западном крыле дома, которую сама обставляла, заказывая в городе мольберты, краски, инструменты и бумагу. Заметив, что у нее и в самом деле неплохо получается, дон Диего сам написал письмо одному из своих друзей, с просьбой прислать в поместье толкового и желательного не молодого учителя по рисованию. Уже через неделю в доме поселился Николо Франческо Лаццаро. Этот веселый старичок, стал настоящей отдушиной для молодой хозяйки. Пожилой мужчина был не только хорошим художником, но и завзятым путешественником, изъездившим половину мира. Он мог без умолку рассказывать о Европе, Франции, Польше и Австрии. О веселой Италии и холодной России. Он бывал даже в Китае и Африке, хотя мало кто этому верил. Сам художник происходил из знатной Венецианской семьи и, судя по покровителям, был известным в Европе портретистом.

– Донна Лилианна, хозяин приказал предупредить вас, о том, что вечером будут гости, – однажды к хозяйке с поклоном обратилась экономка.

Лилианна была удивлена подобной новостью. Уже несколько месяцев гасиенду ни кто не посещал. Девушке хватило полчаса, что бы привести себя в порядок и принарядиться. Узнав у экономки, что гостем является старинный приятель хозяина дон Айседор Карлеонэ, а приехал он прямиком из Мадрида, девушка призадумалась. Вряд ли это был визит вежливости. Лилианна с нетерпением заняла свое ме-

сто за длинным, заставленным яствами столом. Дон Диго опаздывал. Это на него совсем не было похоже. Муж всегда уважал пунктуальность и требовал от слуг и жены неукоснительное соблюдение правил, особенно это касалось правил поведения за столом. Даже десятиминутное опоздание воспринималось им как личное оскорбление. Но сегодня хозяин опаздывал уже на час.

Девушка с тоской поглядывала на таявшее на глазах заливное. Шедевр Пахиды был непоправимо испорчен. Когда у Лилианны громко заурчало в животе, она даже подпрыгнула и в смущении обвела взглядом шеренгу из слуг. Во время ежедневных ужинов за столом прислуживали три-четыре человека, но сегодня в честь почетного гостя, их было чуть меньше десятка. И, похоже, они не меньше хозяйки были удивлены отсутствием хозяина. Но вот, наконец, высокие двери растворились и, пропуская гостя вперед в столовую ввели дону Диго.

– Похоже, мы опоздали. Надеюсь не сильно, – вместо извинений произнес дон Диго, пока слуга подвозил его коляску к столу.

– Боюсь это моя вина, сеньора. Мы так увлеклись разговором, что напрочь забыли о времени. Лишь взглянув на часы, я ужаснулся нашей оплошности. Даже ради самых важных речей мужчины не должны заставлять себя ждать прекрасную даму в одиночестве, – с поклоном извинился за двоих гость.

Лилианна, отвыкшая от подобной галантности, улыбнулась и уже открыла рот что бы что-то ответить, но дон Диего грубо ее прервал.

– Хватит разглагольствовать, Айседор. После вашей пустой болтовни моя жена упадет в голодный обморок. Приступим, – кивнул хозяин и дал команду слугам к началу трапезы. – Кстати, простите за оплошность, я так и не представил вас друг другу. Лилианна, позволь представить тебе одного из моих самых старинных друзей, дона Айседора Карлеонэ барона фон Штамберг. А это Лилианна, моя жена.

После его слов девушка вспыхнула, она была обижена поведением мужа. Обычно так представляли лошадь или борзую собаку ну ни как не жену знатного человека. Похоже, дон Айседора тоже покорило от подобной бестактности. Он с неодобрением посмотрел на хозяина, а потом перевел свой взгляд на его жену. Пожилому мужчине было жаль видеть румянец обиды на прелестном лице этой совсем юной девушки. Ведь она ни словом ни делом не заслужила подобного отношения. Хотя румянец очень шел к ее бледному лицу. Дон Айседор еще раз окинул взглядом хозяйку дома. Он конечно же слышал об этой странной женитьбе старого холостяка на совсем юной англичанке. Впрочем, дон Диего можно было понять. Донна Лилианна была очень мила. Черноволосая, зеленоглазая, с тонкими чертами лица и белой, полупрозрачной кожей. Возможно, классической красавицей ее назвать было сложно, но девушка была прелестна. К тому же

она была скромна и явно робела перед мужем. Дону Айседору было неприятно видеть испуг и обиду в девичьих глазах, поэтому остальную часть вечера он потратил на то, что бы развеселить маленькую хозяйку этого большого дома.

С визита этого приятного галантного мужчины начались незаметные, но важные перемены. Некогда забытую всеми гасиенду стали посещать гости. Почти каждую неделю к дому подкатывала карета или двуколка или одинокий всадник. Знатные гости и не очень, пожилые и молодые. Как правило, мужчины, изредка женщины, обычно проводили на гасиенде день или два и уносились в ночь. Лилианна быстро вспомнила советы тети и стала радушной хозяйкой большого гостеприимного дома. Она практически не запоминала лица своих гостей, никогда ничего не спрашивала, не задавала лишних вопросов. Девушка интуитивно чувствовала что не принадлежит к этому таинственному, полускрытому миру, не хочет к нему принадлежать. Ей вполне хватало прогулок по парку, забот по хозяйству и конечно же рисования. Многие часы Лилианна проводила за мольбертом, в компании сеньора Лаццаро. Обязанности гостеприимной хозяйки были ей не в тягости, но, в общем-то, и не в радость, слишком уж неприглядный покров тайны окутывал эти визиты.

Однажды вечером дон Диего вызвал ее к себе. Его приказ удивил девушку. За последнее время хозяин дома стал относиться к жене ровнее, более уважительно, сдержано. Виной тому были не проснувшиеся теплые чувства к молодой жен-

щине, а элементарная занятость. Голова дон Диего постоянно была чем-то забита. У него просто не было времени на мелкие придирки и склоки, да и вообще на какое бы то ни было общение с женой. Они встречались лишь за ужином, и чаще были не одни. Все это вполне устраивало Лилианну. Она до сих пор боялась мужа, и уж точно не находила его общество приятным. Просьбы посетить его спальню вызвало у девушки удивление и страх. Может она в чем-то провинилась? Но ее опасения были напрасны. Дон Диего ни только не был сердит на жену, но и впервые за все время ее похвалил:

– Лилианна, прошел уже год как ты живешь в Испании. Ты повзрослела, похорошела. Тебе было нелегко, но ты научилась быть настоящей хозяйкой большого дома. Все наши гости неизменно восхваляют твою сдержанность, твое трудолюбие. Мне это тоже нравится в тебе. Ты не болтлива, не любопытна, однако образованна и мила. Что-то я уже забыл как следует говорить комплементы. Просто хочу сказать спасибо. Я никогда ничего тебе не дарил. Можешь выбрать что хочешь, – с улыбкой произнес дон Диего и тут же добавил. – В пределах разумного, конечно.

Впрочем, Лилианна и не собиралась требовать луну и звезды.

– Во время последнего приема дон Педро показывал гостям свою конюшню и новых жеребят. Мне очень понравилась двухлетняя кобылка соловой масти. У нее... – начала было описывать понравившуюся лошадь девушка, но муж рез-

ко ее прервал.

– Я понял. Я поговорю с доном Педро и если мы сойдемся в цене кобыла будет твоя, – махнул рукой дон Диего.

Заметив, что муж уже утратил интерес к разговору, Лилианна поспешила выйти, аккуратно закрыв за собой дверь. Когда через день в стойло заводили новую лошадь, молодая хозяйка просто прыгала от радости. Впервые в жизни у нее появилось что-то свое. Раньше все ее вещи принадлежали сначала отцу, потом их покупала тетя, а сейчас муж. Дон Диего очень строго относился к выбору платьев и всего остального. Не оставляя девушке никакого права выбора. Конечно, умом Лилианна понимала, что у него отличный вкус, да и в тонкостях испанского туалета ей еще сложно было разобраться, но в душе ей очень хотелось чего-то своего. Хоть раз сделать собственный выбор. А теперь у нее была своя лошадь. Своя собственная лошадь.

– Я назову тебя Мечта, – прошептала Лилианна заботливо поглаживая мягкую золотистую шерстку.

Еще год прожила девушка в Испании. В глазах соседей Лилианна жила тихо, уединенно, ухаживая за почти полностью парализованным мужем. Пересуды относительно женитьбы дона Диего на молоденькой англичанке давно прошли. Даже самые привередливые матроны приняли в свой круг эту тихую, молчаливую девушку, восхищаясь ее кротостью и преданностью мужу. Несколько раз знатные доны пытались приударить за молодой женщиной, за глаза называя

ее соломенной вдовой, но донья Лилианна робко, но твердо отвергала все их попытки. Наверное, именно эта робость, полудетская наивность, привлекала к ней взгляды окружающих. В свои 17 лет девушка казалось почти ребенком. Этому образу только способствовал небольшой рост и хрупкое телосложение. Лилианна постепенно начала привыкать к жизни в этой стране, училась ее традициям и не писанным правилам, укладу жизни и ведению хозяйства. Особенно много времени девушка проводила в мастерской, старательно выводя этюды, под чутким руководством сеньора Лаццаро. Гасиенда казалась затерянным уголком, этого враждебного мира. Выезжая в город или в гости Лилианна много слышала о Карле IV поселившемся в Компьене, о его сыне Фердинанде VII, который жил в Валенсе. О французских войсках, о Жозефе Бонапарте, захватившем трон Бурбонов, о противостоянии повстанцев, во главе с кортесами. Почти на каждом углу рассказывали о мятеже в Мадриде и водворении из столицы Иосифа. О храброй защите Сарагосы и общем отступлении французов. Особенно внимательно девушка слушала о том, что генерал Веллингтон с английским корпусом высадился в Португалии и вытеснил оттуда французов. В своих мечтах Лилианна до сих пор представляла как Себастьян во главе победоносных английских солдат, изгонит из Испании Бонапарта, а заодно и спасет саму девушку от безрадостной жизни в этом богом забытом жарком краю. О некрасивой сцене в церкви, Лилианна старалась не вспоминать. Но

энтузиазму испанцев поубавился, когда французы еще раз одержали верх и 4 декабря снова вступили в Мадрид, где 22 января 1809 года Иосиф снова утвердил свою столицу. Война тем временем приняла партизанский характер. В каждом магазине или лавочке взахлеб обсуждали о том, что знатные доны, монахи и крестьяне с одинаковым пылом брались за оружие. Многие испанские города превратились в крепости. Повсеместно устраивались засады, нападали на солдат и обозы. Каждый уличный мальчишка знал прославленных героев: Эля Эмпесинадо, Хуана Палеара, Морильо, Порлье, Мина, священника Мерино и других. Слава о них гремела, но ужасы войны практически не доходили до этой уединенной горной местности. Дон Диего никогда не обсуждал свои политические пристрастия с Лилианной, хотя все знали, что он как родственник и друг Карла, был сторонником его сына Фердинанда. Однако оказалось что и современные баталии ему не чужды. Получив весть о громком разгроме испанцев при Оканья 18 ноября 1809 г. дон Диего несколько дней сидел, закрывшись в своей комнате, хотя впрочем, выход его из самовольного заточения не сулил домашним ничего хорошего. Старый испанец стал раздражительным, резким. На дом опустилась гнетущая тишина.

День уже клонился к ночи, когда прохладный воздух зимнего вечера прорезал шум приближающихся всадников. Лилианна отдыхала в большом кресле, поставленном около окна, наслаждаясь неторопливым чтением. Услышав шум

и бряцанье оружия во дворе, девушка поспешила к окну. Обычно гости дона Диего старались не привлекать к себе излишнего внимания. Разглядев в ночных сумерках плюмажи французских солдат, Лилианна ахнула. Ночной визит вооруженного отряда не предвещал ничего хорошего. Что же, интуиция ее не подвела. Уже через час солдаты без излишних церемоний выносили наспех одетого дона Диего на улицу. Под ругань офицеров и причитание слуг хозяина усадили в крытую повозку и увезли прочь. Ничего не соображавшей Лилианне капрал сообщил, что ее муж подозревается в сговоре с мятежниками. Согласно приказу Иосифа I Наполеона он должен был немедленно сопровожден в Мадрид. Узнав, что до решения суда дон Диего будет находиться в тюрьме, Лилианна стала робко возмущаться. Но на ее протесты капрал ответил, что ей следует подумать о себе самой. Если вина ее мужа будет доказана, то согласно закону вся его ответственность будет конфискована в казну. Самой же донне Лилианне следовало немедленно покинуть гасиенду, дабы сопровождать больного мужа в Мадрид. Девушке дали лишь полчаса на сборы.

Ошалевшая от горя экономка едва успела всучить молодой хозяйке сундучок с вещами, когда крытая, обитая черной кожей карета, тронулась со двора, увозя в неизвестность перепуганную супругу дона Диего.

Дорога до Мадрида заняла несколько суток. Вечером отряд всадником, сопровождающих две кареты въехал в от-

крытые ворота столицы.

Лилианна, которая уже давно хотела увидеть этот город, осмелилась немного отодвинуть черную батистовую шторку, однако в столь поздний час разглядеть что-нибудь помимо серых фасадов домов было невозможно. Измученная дорогой и неизвестностью, девушка снова откинулась на жесткую спинку, обитого кожей сидения. Весь этот день Лилианне самой приходилось ухаживать за доном Диего: кормить его, умывать. И не только... У девушке до сих пор горели щеки при воспоминании об гигиенических сложностях сопровождающих интимный туалет парализованного человека. Никогда прежде ей не приходилось самой ухаживать замужем. Присутствие множества слуг избавило ее от этой нелюбимой стороны жизни. Сам дон Диего был настолько обозлен и смущен ее вынужденной помощью, что за всю дорогу не проронил ни слова. Несколько раз Лилианна пыталась что-то у него спросить, поддержать, но наткнувшись на ледяное молчание, оставила эти попытки.

– Где вас высадить? – спросил капрал задремавшую Лилианну.

Девушка оторопело выглянула в окно. В этом городе она никогда не была и никого здесь не знала. Но ночлег французская фемида ей предоставлять видимо не собиралась. Что же или она найдет гостиницу или придется спать на улице. Вдруг девушка вспомнила пожилого джентльмена, с визита которого все началось. Если ей не изменяла память дон Ай-

седор Карлеонэ проживал где-то на улице Кава-Баха.

– Если вам будет не сложно, высадите меня, пожалуйста, на улице Кава-Баха, – с вымученной улыбкой попросила Лилианна.

Капрал кивнул. Он был приятным молодым человеком и согласился сделать круг что бы доставить даму до места.

– Вы точно помните дом? В такой темноте можно и ошибиться? – с сомнением спросил он.

– Благодарю вас, я не раз здесь гостила, – не моргнув глазом, соврала девушка.

Лишь оставшись одна, на темной незнакомой улице Лилианна пожалела, что отказалась от помощи. Она понятия не имела, какой точно адрес у дона Айседора. Глубоко вздохнув, девушка пошла к первому, попавшемуся на пути дому. Большой двухэтажный дом, с балкончиком и кованной железной дверью явно принадлежал какой-то богатой семье, как и большинство домов на данной улице. Поставив тяжелый саквояж на ступеньки Лилианна, сначала робко, но потом более громко постучала в дверь. Конечно, она понимала, что час уже поздний, но ведь она не собиралась беспокоить хозяев, а лишь хотела спросить у привратника точный адрес дона Айседора. Обычно слуги хорошо знали всех жильцов на своей улице, особенно знатных и богатых. На ее стук никто не ответил.

Постояв еще минут десять Лилианна решила еще раз постучать, уже более настойчиво и громко. Прошло еще минут

десять и девушка решила уже отойти, когда услышала звук открывающийся двери. Лилианна глубоко вздохнула, собираясь задать вежливый вопрос, однако не успела она и рта открыть, как ей на голову обрушился такой поток площадной брани, что перепуганная девушка, опрометью бросилась прочь, едва не позабыв об оставленном на лестнице саквояже. И пусть из всего услышанного Лилианна смогла понять лишь перу слов, но интонация и жесты наспех одетого лысого мужчины не оставляли сомнений в общем смысле сказанного. Лишь добежав до угла следующего дома, девушка перевела дух и призадумалась. Что же делать дальше? Никаких знакомых кроме дона Айседора у нее в городе не было, однако стучаться еще в одну закрытую дверь очень не хотелось. Оставался единственный выход: переночевать в какой-нибудь гостинице, а с утра начать поиски. Здравомысленно рассудив, Лилианна решила сначала выйти на оживленную улицу или площадь, а уж там наверняка поблизости найдется хоть какая-нибудь гостиница. Подняв тяжелый саквояж, девушка побрела вперед. Узкая улица петляла между домами, становясь все более темной. Вконец выбившись из сил, Лилианна присела на низкую скамеечку, прибитую к стене одноэтажного дома и горько разревелась. Кто бы мог подумать, что еще пару дней назад она была уважаемой хозяйкой большой усадьбы, женой знатного человека, а сегодня ей как нищенке придется ночевать под открытым небом в эту холодную ночь. Ну почему судьба так несправедлива к ней? Ведь де-

вушка точно знала, что никому не сделала ничего плохого. Да нет, пожалуй, сделала. Вспомнив серое от презрение лицо Себастьяна, Лилианна разрыдалась еще сильнее. Она даже вздрогнула, когда кто-то тихонько потряс ее за плечо.

– Что случилось, мадмуазель? Кто вас обидел? Может вам помочь? – вежливо спросил высокий сероглазый мужчина.

Окинув взглядом дорогой камзол и начищенные до блеска сапоги, Лилианна немного успокоилась и попросила мужчину или помочь ей найти дом дона Карлеонэ или проводить до гостиницы. Девушка была очень удивлена, узнав, что нужный ей дом находится совсем недалеко. И что незнакомый мужчина с радостью ее проводит, так как хорошо знает не только этот квартал, но и самого дона Айседора. Лишь дойдя до красивого увитого лианой двухэтажного дома, Лилианна поняла, что разговаривает с незнакомцем по-французски, однако отступать было поздно и уже через десять минут галантный француз передавал измученную спутницу в руки изумленного дона Айседора.

Дон Айседор

– Спасибо, донья Кончита. Ваш лимонад самый вкусный в Мадриде! – с улыбкой поблагодарила Лилианна пожилую женщину.

С тех пор как однажды ночью в дверь дона Айседора постучала незваная гостья, прошло несколько месяцев. Хозя-

ин дома был изумлен появлением девушки, однако дон Карлеонэ не задал гостю ни одного вопроса, дав возможность прийти в себя и отдохнуть. Лишь на следующий день Лилианна поведала пожилому мужчине о свалившихся на них неприятностях. Дон Айседор в тот же вечер попытался навести справки и хоть чем-то помочь, но, увы, все его усилия не увенчались успехом. Дон Диего, несмотря на серьезный недуг, был оставлен в камере до вынесения приговора. После громкого разоблачения главаря мятежников, а именно так теперь называли мужа Лилианы, волна арестов и обысков прокатилась по всей стране. Сначала французы попытались замять дело, и начали без суда и следствия расстреливать лидеров сопротивления. Однако арест дон Сальваро наделал много шума не только из-за его родства с королевским домом Испании, сколько из-за активной позиции, которую заняла испанская аристократия в поддержку знатного серьезно больного человека. Конечно, этот шум возник не на пустом месте. Дон Айседор и его друзья многое сделали, чтобы не дать замять ситуацию. Но, увы, все больше людей посещавших гасиенду попадали в темницу. Ставленник Наполеона с упорством и жестокостью подавлял попытки сопротивления. По его приказу меры против мятежников ужесточались с каждым днем. Не смотря на просьбы Лилианы, дон Айседор ни разу не позволил девушке присутствовать в суде.

– Пойми, дитя мое, ты была знакома с большей частью заключенных в тюрьму людей. Малейший взгляд в твою сто-

рону может означать не только твой арест. Но и гибель многих все еще оставшихся на свободе мятежников.

Конечно, Лилианна понимала правильность слов пожилого человека. Были арестованы уже четыре знатные женщины. Девушка еще помнила ужасы лондонской тюрьмы, и старалась всеми силами избежать подобной доли. Проходила одна неделя ожидания за другой. Газеты ежедневно пестрели громкими заголовками. После ареста одного из богатейших людей страны всполохнули мятежом несколько провинций, однако власть французов при поддержке наполеоновской армии была столь велика, что хватило нескольких дней для быстрой жестокой расправы. Принося в дом новости, дон Айседор все больше и больше мрачнел. В столь беспокойные времена ни один из испанских грандов не мог чувствовать себя в безопасности.

Перепуганная Лилианна, вздрагивала каждый раз, когда рядом с домом проезжали вооруженные патрули французов. Она безвылазно жила в доме дон Карлеонэ, с тоской поглядывая на несколько магазинчиков и лавочек расположенных неподалеку. Лишь старая донья Кончита, экономка, да несколько самых преданных слуг составляли ей компанию. Остальную многочисленную прислугу дон Айседор был вынужден отослать.

– Лишние свидетели нам ни к чему, – здраво рассудил он, – Мадрид был оплотом Жозефа Бонапарта и его шпионы наводнили город.

Понимая, что именно на ней висит вина за грозящие этому дому несчастья, Лилианна постаралась хоть чем-то быть полезной, взвалив на свои плечи большую часть обязанностей по дому. Впрочем, скучать ей особенно и не приходилось. Вечерами хозяин дома прилагал все усилия, что бы развлечь свою юною гостью. Он не только обучал девушку истории древней египетской цивилизации, ярым поклонником которой был сам, но и приобрел для Лилианны все необходимые для рисования принадлежности. Теперь вечерами девушка самозабвенно рисовала, время от времени поглядывая на расположившегося в высоком кресле донна Айседора, который в сотый раз пролистывал страницы любимой книги.

– Почему у вас такое необычное имя? Ведь оно не испанское? Фон это приставка к немецкому? – однажды спросила его девушка.

– Ты права, дитя мое. В моей семье многое соткано из контрастов. Айседор имя французское, к тому же женское. Однако это нисколько не смутило мою мать. Она была женщиной образованной, хоть и эксцентричной. Донна Гертруда фон Штамберг происходила из древнего бельгийского рода баронов Штамберг.

– Так вы не испанец? – изумилась Лилианна.

– Ну почему, же? Карлеонэ знатная испанская фамилия, берущая начало еще при короле Альфонсе. Мой отец был человеком образованным, любил поэзию, искусство. Он много путешествовал. Будучи в Бельгии он встретил юную бель-

гійку, которая через несколько лет стала его второй женой.

– Через несколько лет?

– Да. Семья моей матери не очень-то приветствовала ухаживания не молодого испанца. Да и саму девушку пугала не только разница в возрасте, но и различия культур, традиций нравов этих двух таких разных стран. К тому же после испанского завоевания в шестнадцатом веке и кровопролитной борьбы за независимость бельгийцы настороженно относились к испанцам. Лишь через несколько лет преданных нежных ухаживаний ее сердце дрогнуло.

– А ее родители?

– Она была единственной их дочерью и им ничего не оставалось, как принять ее выбор.

– Она...они были счастливы?

– Да. Хотя и недолго. Я почти не знал своего отца. Он умер рано, оставив безутешную вдову с малолетним сыном. Знаешь, после его смерти мама долго жалела об упущенном времени, говорила, что если бы знала о том, что им так мало отпущено никогда бы не позволила себе раздумывать так долго. Но судьбу не переделать.

– Она жива?

– Нет.

– А у вас есть жена и дети?

– Были.

– Были?

– Лукреция с мальчиками проводили лето на итальянской

вилле. Она была итальянкой до мозга костей. Испанское лето было слишком жарким для нее, а бельгийское слишком холодным.

– Что случилось? Война?

– Нет. Брюшной тиф. В тот год умирали сотнями. Я не успел даже на похороны.

– Мне так жаль. Простите, что я затронула эту неприятную для вас тему.

– Почему же неприятную? Воспоминания о жене и детях согревают мою душу по сей день.

– А вам не больно их вспоминать?

– Ничего страшного. Это было давно. Боль притупилась, тоска осталась. Многие из нас потеряли близких. Война же еще больше пополнила этот список.

– Вы правы, – прошептала Лилианна, надолго уйдя в себя.

Однажды вечером Лилианна так не дождалась дона Айседора к ужину. Это было очень не похоже на пожилого человека и девушка начала волноваться. Ее беспокойство усилилось. После каждого часа ожидания ее воображение рисовало все более жуткие картины. Арест, тюрьма, смерть.

Лишь ближе к полуночи девушка услышала, как хлопнула тяжелая входная дверь. Накинув на плечи легкий шелковый халатик, Лилианна поспешила вниз. Она нашла дона Айседора в просторном кабинете. Славу богу он был жив и здоров. Хозяин дома укладывал какие-то бумаги в большой кожаный саквояж. Заметив девушку, он остановился.

– А, Лилианна! Хорошо, что ты встала. Я уже собирался просить донью Кончиту тебя будить.

– Что случилось? Вас хотят арестовать? – побелевшими от страха губами спросила девушка.

– Ну, что ты. У них нет ни одной ниточки, которая привязала бы меня к заговору. Кроме старинной дружбы с вашим мужем у них ни чего на меня нет. Дела срочно призывают меня в провинцию и я бы очень порекомендовал тебе, девочка моя, отправиться со мной.

– Зачем?

– Да за компанию. Развлекательного путешествия я тебе не обещаю, но предоставить комфорт и безопасность смогу.

– Но через два дня последнее заседание суда. Как я могу уехать?

– Я понимаю твои сомнения. Однако как говорить: «береженого Бог бережет». Я думаю, что ты уже догадалась, что дона Диего не выпустят на свободу. Он слишком весомая политическая фигура, даже, несмотря на свой недуг.

– Какая там весомость, когда он и из дома то не выезжал! – всплеснула руками Лилианна. Дон Айседор никогда еще не касался темы ее мужа столь открыто.

– Это и не нужно. Жозеф его боится и весьма обоснованно. За короткое время твой муж смог сколотить вокруг себя большое количество единомышленников. Связанные одной целью – освобождением родины от захватчиков, люди становятся реальной силой только, тогда кто-то сможет если уж не

повести их за собой, то хотя бы объединить. Твой муж человек неординарный: умный упрямый настырный. Впервые в жизни Диего бросил все свои выдающиеся способности на благо не себе самому, а чему-то большому, общему, благому. Пожалуй, ни кто, даже он сам, не ожидал что небольшое движение сопротивления, зародившихся в умах скучающих аристократов наберет такие обороты. На борьбу с французами стали все. Даже бывшие враги соединяют силы для борьбы с оккупантами. И твой муж сыграл во всем этом не последнюю роль.

– Я не понимаю! Да, пусть к нам часто приходили гости. Они что-то обсуждали. Но как это могло повлиять на ход борьбы? У нас и оружия то в доме не было!

– Диего не нужно было брать оружие в руки. Он придумал и воплотил в жизнь хитроумную схему, позволяющую практически анонимно организовывать большие группы людей. Он боролся не руками, а головой. Он по-прежнему опасен для властей. Поэтому его вряд ли отпустят на свободу.

– Но он серьезно болен. И вы сами говорили, что его здоровье в тюрьме ухудшилось. Возможно, власти и Жозеф Бонапарт смилостивятся над ним и проявят сострадание? Как я могу уехать в самый ответственный момент? Ведь есть еще надежда? – с мольбой в голосе спросила Лилианна.

Дон Айседор посмотрев в эти полные слез, умоляющие глаза не осмелился возразить. Человек жив пока есть надежда. Пусть надеется на лучшее. Кто знает, что ждет нас впе-

реди?

Суд

Лилианна стояла, прижавшись плечом к углу дома. Девушка была растеряна, напугана. Сегодня она впервые за несколько месяцев ушла из дома на улицу. Убежала тайком, как вор или как маленький несмышленный ребенок, сбежавший на улицу от няни. Лилианна до сих пор чувствовала вину перед доньей Кончитой, ведь именно ее дон Айседор попросил приглядывать за гостьей. Но поступить по-другому девушка не могла. Наутро было назначено последнее заседание суда. А после обеда на площади перед зданием Правительства обещали обнародовать приговор, однако почти до самого вечера Лилианне, уставшей и голодной пришлось дожидаться этого часа, вместе с сотнями других людей. О кирпичном здании Правительства девушке рассказывал еще дон Айседор. Построено оно было в 1760-е гг. при Карлосе III. Конная статуя которого была установлена тут же на площади как почтамт. Затем его занимало Министерство внутренних дел. А во времена Бонапарта здесь была оборудована штаб-квартира полиции и иногда проводился суд. В толпе ходило много неприятных историй и жутких легенд об этом сооружении. Лишь час назад одна кумушка, собравшая вокруг себя толпу любопытных душещипательным шепотом рассказывала об ужасах, творимых во время следствия за

стенами этого здания. Сидя в уютном доме дона Айседора и жалея себя девушка и представить себе не могла, что в такой же непростой ситуации оказалось так много мужчин, женщин. Постояв несколько часов в толпе, она поняла, что помимо любопытных зевак, праздно шатающихся по городу и несколько десятков сочувствующих, основная часть людей, с утра ожидающих на площади, были именно друзья и родственники осужденных. Было много мужчин, большинство из которых, судя по одежде, совсем недавно приехали из провинции. Здесь были и знатные доны, и ремесленники и фермеры. Общая беда и беспокойство за близких стерли различия. В толпе то и дело слышались тихие разговоры, иногда споры. Рядом с мужчинами стояли женщины с испуганными, растерянными глазами, прижимавшие к юбкам детей. Детей и вовсе было много. Сначала Лилианна не могла понять, зачем на подобное нерадостное событие брать детей, тем более маленьких, но потом догадалась. Ведь для многих из этих семей сегодняшний день был последней возможностью увидеть близкого человека. Лилианна с горечью рассматривала одетых в черные и темные платья женщин. Каждая из них, даже бедно одетая была на площади не одна. И дородную мамашу, окруженную ребятишками, словно курица цыплятами и сморщенную, пригнувшуюся к земле старуху, сопровождали мужчины. Хотя если быть более точной именно женщины сопровождали своих мужчин. За те несколько лет, что Лилианна провела в Испании она давно привыкла к строгим,

а подчас даже нелепым традициям этой страны. Сначала девушка была шокирована теми жесткими рамками, в которых жили испанские женщины. Лишь позднее Лилианна поняла, что в некоторых случаях именно эти рамки, усвоенные с детства, защищают женщин от мужчин или от самих себя. Как отличались эти горячие, несдержанные люди, от чопорных, неизменно вежливых англичан. Вот и сейчас одиноко стоящая фигурка приковывала к себе нескромные мужские взгляды и любопытные взгляды женщин. Лилианна чувствуя молчаливое осуждение, так и не осмелилась подойти ближе, влиться в эту разношерстную толпу, спросить, поговорить, она лишь опасливо прижималась к нагретой весенним солнцем стене здания, вслушивалась, пытаясь уловить обрывки разговоров и внимательно наблюдая за происходящим. За громогласным фермером, чей бас раздавался по площади, заглушая шум голосов, за толстой, высокой, как гренадер матроной, которая весь день безуспешно пыталась собрать в кучу свой непослушный выводок, состоящий из почти десятка разновозрастных малышей. Но особенно часто взгляд девушки останавливался на группе хорошо одетых людей, ожидавших приговора чуть в отдалении, в тени двух дорогих крытых карет. Четверо мужчин, явно очень состоятельных прибыли на площадь еще до обеда. Через час подъехала карета с двумя женщинами. По почтительному, даже раболепному отношению знатных донов можно было предположить, что одна из них была очень, очень важной птицей.

Впрочем, пожилая, в глубоком трауре дама мало интересовала Лилианну, девушка с любопытством наблюдала за ее юной спутницей. Тоненькая, изящная, одетая в такое не соответствующее месту ярко желтое, почти лимонное платье, девушка была изумительно хороша собой. И даже не яркое платье и прелестное личико притягивали к ней взгляд, а какая-то озорная живость, непосредственность, детская непоседливость. Казалось, и минуты она не могла посидеть на месте. Девушка то и дело то залезала в карету, то стремительно выпархивала из нее, то возилась со смешным пухленьким карапузом, цепляющимся за юбку матери, то бежала кормить бездомную хромую собачонку, кидая ей куски свежей, покрытой глазурью булки. Прошла минута и вот уже озорница, не слыша окликов сопровождающих их мужчин, неслась к торговцу выпечкой или к разносчику воды. Лилианна с завистью поглядывала на желтое пятно, без устали снующее по кромке толпы. Ни смотря на несносное поведение на девушку никто, кроме пожилых старух не смотрел с осуждением, да и те почтительно опускали глаза, стоило девушке остановить на них взгляд. Даже нагловатый, ухмыляющийся молодой щеголь осмелился лишь проводить тоненькую фигурку быстрым взглядом, чувствуя за ее спиной мощную несокрушимую силу семьи. Увы, за спиной Лилианны была только стена, которую ей уже дважды пришлось покинуть, дабы избежать назойливого внимания этого наглеца. Но даже не эта разница в отношениях огорчила Лилианну. Просто девуш-

ка была такой непосредственной, жизнерадостной. Она как желтый лучик солнца сверкала в толпе. Сама же Лилианна давно растратившаяся юношеский задор, казалась себе почти старухой в темном платье и черной кружевной мантилье, нахлобученной до самого носа. Жизнь с мужем давно разбила все ее радужные мечты, научив осторожности и скрытности.

В животе опять громко заурчало. Посмотрев на остатки глазированной булки, недоеденной уличным псом, девушка снова отругала себя за глупость. Это надо же было додуматься выйти из дому, прихватив с собой лишь несколько мелких монет, пылившихся на камине. Увы, деньги кончились еще до обеда и их едва хватило на пирожок с яблоками и стакан прохладной воды. Впрочем, сгребая монетки с утра в ладошку, девушка не очень-то представляла какова их стоимость. Лилианна и вообще была мало знакома с этой стороной жизни. И если в английских ценах она еще хоть как-то разбиралась, то здесь за все время ей ни разу не пришлось самой что-либо купить. Даже нижнее белье и чулки дон Диего заказывал для жены сам. Захоти девушка сама прогуляться по магазинам, из этого бы ничего не вышло, так как муж не давал ей даже мелких карманных денег. Да и выйти из дома дона Айседора Лилианна рассчитывала на час или два, но уж никак ни на целый день. Воспоминание о доне Айседоре и доньи Канчиты снова заполнило душу щемящим чувством вины. Надо было оставить хотя бы записку. Пожилая жен-

щина, наверное, сходит с ума от беспокойства. От невеселых мыслей девушку прервал шум толпы. Людской поток загудел как встревоженный улей, зашевелился. Чувствуя приближение чего-то важного, Лилианна отбросила страх и ринулась вперед, пытаясь пробраться ближе. На крыльцо здания Правительства вышел высокий средних лет мужчина. Громко, четко он стал зачитывать приговор. На площадь опустилась гробовая тишина. Затихли даже дети под тревожным взглядом матерей. Зычный громкий голос проникал, казалось во все уголки и закоулки, разносясь прочь. Мужчина читал подряд три списка. Первых людей, чья вина была не столь существенной, ждали крупные денежные штрафы или полная конфискация, некоторых высылка из страны. Толпа загудела, зашумела, пересказывая услышанное. Следующие имена встретили тихим ропотом, более полусотни мужчин отправятся в тюрьмы и каторги. Последние фамилии слушали молча. Гнетущая тишина была такой вязкой, что ее казалось можно было резать ножом. Люди со скорбной сдержанностью вслушивались, до последнего надеясь, что их друзья и близкие не попадут в этот страшный список приговоренных к смерти заключенных. Только сейчас Лилианна сообщила, что дон Диего попал во второй список.

«Он будет жить, жить! – пронеслось в голове у девушки, но вслед за этим пришла другая мысль. – Да его не казнят, но разве можно жалкое существование в тюрьме тяжелобольного человека назвать жизнью?»

Прошло какое-то время пока толпа так же как Лилианна переваривала сказанное. Но вот она снова зашумела, закричали женщины, заплакали потерявшие отцов дети, послышались мольбы и проклятия доведенных до отчаяния людей. Кто-то из женщин тихо плакал, прижимая к себе ребятишек, кто-то громко рыдал. Пожилая старуха в поношенной черной одежде стоящая недалеко от девушки, с душераздирающим криком упала на колени. Она сбросила в пыль черный выдавший виды платок и, схватившись обеими руками за волосы, стала выдирать тонкие седые пряди. Ни кто из стоящих рядом людей не попытался ее остановить, только маленькая девочка лет десяти присела рядом с бабушкой. Лилианна ринулась вперед, что бы ни видеть этой сцены, не слышать почти звериного воя старой женщины. Налетев на широкую спину какого-то крупного мужчины, девушка застыла. Оглушенная этим открытым проявлением горя она боязливо оглядывалась вокруг. Представить такие сцены в Англии было невозможно. Лилианну с детства учили сдержанности. Ей говорили, что никогда нельзя прилюдно показывать свои чувства. Это нехорошо, это неприлично. В Испании все было по-другому. Люди не стесняясь, показывали окружающим как они возмущены приговором, как скорбят о близких. Почему-то в душе Лилианны шевельнулось чувство вины перед доном Диего за свою сдержанность, за то почти холодное спокойствие, с которым она приняла приговор. Девушке отчаянно захотелось убежать, укрыться, по-

быть одной. Но толпа не спешила расходиться. Люди напряженно чего-то ждали.

«Ну, конечно! После заседания суда из здания Правительства должны будут вывести заключенных», – сообразила Лилианна.

Вот чего ждут сотни людей, вот из-за чего с самого утра на площади томятся женщины и дети. Не прошло и десяти минут, как вдалеке послышался шум, цоканье лошадей, бряцанье оружия. Справа на площадь въехала длинная каравалькада крытых повозок, со всех сторон окруженная конвоем французских солдат. Заскрипели высокие стальные двери, по лестнице потянулась длинная процессия закованных в цепи заключенных. Толпа ринулась вперед, стараясь поближе подойти к крыльцу. Лилианна, со всех сторон прижатая телами, даже и помыслить не могла о каком-то сопротивлении. Но французские солдаты, соорудив живую стену стали окриками и штыками отгонять людей от крыльца. Послышались выстрелы, крики. Толпа, подобно огромной волне отхлынула назад. Лилианна испугавшись, что ее просто затопчут, спряталась за широкой спиной, стоявшего перед ней мужчины. Он был невысок, но крепок с короткой бычьей шеей. Упершись ногами в землю, стиснув кулаки он, подобно скале, оставался недвижим, людские волны лишь обходили его с боков. Лилианна от страха сжалась в комок, прижавшись щекой к его теплой твердой спине. Выглянув вперед, она вдруг поняла, что неожиданно для себя оказалась в пер-

вых рядах. Мужчина, молча, пропустил ее вперед. Девушка с замиранием сердца смотрела на бесконечную вереницу заключенных. Их лица были уставшими и бледными, одежда грязна и измята. Но глаза всех этих людей были обращены к толпе. Они до последнего пытались высмотреть любимые лица, услышать знакомое имя. Конвоиры то и дело подгоняли их окриками и пинками. Как скот, до упора загружая их в накрытые тентом повозки. Но вот произошла какая-то заминка. Двое солдат выволокли из дверей какого-то человека. Его голова была опущена, грязные длинные волосы висели, закрывая лицо. Ноги волочились по ступенькам, как у тряпичной куклы. Если бы не черный, вышитый камзол, лохмотьями свисавший с исхудавшего тела, Лилианна никогда бы не узнала в нем дона Диего. Как же горько было видеть этого знатного гордого человека, в подобном жалком и унижительном состоянии. Девушка ринулась вперед, пытаясь пробраться сквозь строй французских солдат, но крепкие мужские руки стиснули ее плечо, не давая наделать глупостей. Лилианна стала кричать по-испански и по-английски, но дон Диего так ни разу и не поднял опущенной головы.

Лишь выбравшись из душной толпы, Лилианна вздохнула свободно. В этом узком переулке все еще хорошо было слышно толпу, однако было пустынно и прохладно. Прислонившись спиной к нагретой за день стене двухэтажного здания девушка поняла, как она устала. Ноги гудели, поясница ныла, было такое чувство, что она побывала в драке. На те-

ле наверняка наберется больше десятка синяков и ссадин. Единственное желание, которое было у девушки, это поскорее прийти домой и принять ванну. Даже объяснения с доньей Кончитой ее уже не пугали. Лилианна резко обернулась на шум. Перед ее глазами разыгралась неприятная сцена. В переулок с криком вбежала та самая молодая испанка в ярко желтом платье. Только сейчас ни у кого не повернулся бы язык назвать ее красивой. Платье было измято, порвано, длинные пряди выбились из прически висели вдоль спины. Лицо было грязно, глаза опухли от слез. Тоненькую фигурку сотрясали рыдания. Пожилой мужчина, один из тех, кто весь день простоял около кареты, пытался вразумить спутницу, но она кричала и билась в его руках, подобно пойманной птице. Лилианна молча, побрела прочь. Теперь ничего кроме жалости к молодой испанке она не испытывала. Воспитание, полученное в доме матери и тети научили ее сдержанности, и теперь Лилианна была благодарна им за это. Все-таки не так уж и плохо было уметь держать себя в руках, не показывать окружающим этот совсем не привлекательный лик горя.

«Ну, наконец-то!» – с облегчением вздохнула Лилианна.

Уже битый час она плутала по темным извилистым улицам и если бы не случайный прохожий, ей бы до рассвета не найти дом дона Айседора. А ведь раньше она так гордилась своим умением хорошо ориентироваться в незнакомых местах. Но этот поздний час, навевал на девушку ужас и страх,

и лишь желание поскорее вернуться заставляло Лилианну идти вперед. Подойдя ближе к дому, девушка застыла. На крыльце, у самой двери стояли два французских солдата. Лилианна робко поднялась по лестнице.

– Куда? – по-испански, но с сильным акцентом спросил один из солдат.

– Мне в дом надо!

– Дом арестован. Вы хозяйка?

– Нет, я... я здесь гостила, – заикаясь от страха, пробормотала девушка.

– Уходите. В дом никого пускать не велено, – замахал на нее рукой другой солдат.

– Но мне надо! Там мои вещи и я...

– Проваливай! – прикрикнул на Лилианну солдат.

Девушка со страху бросилась наутек, напроочь забыв о ступеньках. Она наверняка разбила бы себе нос, если бы не французский офицер, успевший подхватить ее у самой земли.

– Вы в порядке? – вежливо поинтересовался он.

– Да, спасибо.

– Вы хотели пройти в дом?

– Да, то есть, нет.

– Вы донна Родригес де Сальваро маркиза де Бранчифорте, принцесса Пьетраперция?

– Да. Как вы узнали? – пролепетала Лилианна, в смущении отряхивая пыльный подол.

- Я вас ожидал. Донья Сальваро, прошу вас проследовать со мной до кареты.
- Я арестована?
- Нет. Мне приказано. Доставить вас в одно место.
- Я не поеду, – замотала головой Лилианна.
- Не волнуйтесь, вам ничего не угрожает. Один важный господин хочет побеседовать с вами.
- А если я не поеду?
- На вашем месте я бы согласился. Это всего лишь дружеское приглашение. Пока что дружеское, – после значительной паузы произнес мужчина.
- Лилианна вздохнула и покорно пошла к карете. Выбора у нее все равно, в общем-то, не было.

Жозеф

Девушка так устала, что убаюканная ровным хором экипажа задремала. Проснувшись она от вежливого покашливания спутника. Карета остановилась возле маленького двухэтажного домика. Учитывая тишину, нарушаемую лишь трелью какой-то ночной птицы и обилие зелени можно было догадаться, что это уже окраины Мадрида и судя по заброшенному садику и обветшалым стенам – не самые респектабельные. Дом был погружен во тьму и навевал на Лилианну панический ужас. Ей так и казалось, что сейчас из двери вылетит приведение или какой-нибудь жуткий монстр и

проглотит их. Если бы не рука мужчины, крепко державшая ее за локоть, девушка бы пустилась назад к карете. Войдя в дом, Лилианна ахнула. Жалкое жилище вдруг как в сказке превратилось в прекрасный дворец. Пол холла был отделан дорогим мрамором, обшивка диванов и кресел даже в полутьме сверкала вышитым золотыми нитями рисунком. Рассмотреть что-то еще было сложно. Лишь свет от большого двухъярусного канделябра, находящегося в руках лакея освещал полутемную комнату. Спутник девушки, невысокий офицер после вежливого поклона пошел к двери. Видимо его миссия на этом была закончена. Лилианна вздохнула и зябко поежилась. В полной тишине она последовала за лакеем наверх. Войдя в комнату, девушка на несколько секунд зажмурилась. После темного коридора яркий свет буквально резал глаза. Но вот любопытство взяло верх и Лилианна стала озираться вокруг. Не менее десятка серебряных канделябров были расставлены на столе, на полках и на камине. Комната была небольшой, но она была обставлена с почти кричащей роскошью. Ноги по щиколотку утопали в роскошном ковре. От позолоченной изящной французской мебели рябило в глазах. Из-за огромного обилия маленьких шелковых подушечек, разбросанных на кушетке, креслах и полу, девушка подумала о том, что это был будуар какой-то дамы или приемная, а может...

Лилианна так увлеклась, что не услышала шума открывающейся двери. Она даже вскрикнула от неожиданности, ко-

гда кто-то вежливо кашлянул у нее за спиной. Обернувшись, девушка увидела невысокого мужчину. Его строгий, темный камзол не очень-то сочетался с обстановкой этого дома. Однако в уверенных движениях, с которыми мужчина вошел, в его жестах чувствовалось, что именно он является хозяином все этого великолепия.

– Добрый вечер, мадам. Хотя если быть точным, то скорее доброе утро. Присаживайтесь. Вы, наверное, устали. Сейчас принесут вино и фрукты.

– Но возможно вы захотите перекусить что-то более существенное? – вежливо спросил незнакомец.

– Нет, нет спасибо, не стоит беспокоиться, – робко пролепетала Лилианна и села на самый краешек кушетки.

Ее руки тряслись и она поспешила спрятать их в складках темного платья. Снова наступила неловкая пауза. Мужчина с интересом рассматривал спутницу, она же так и не посмела поднять глаза выше его начищенных до блеска сапог. Тишину прервал приход слуги, с подносом заставленным фруктами, закусками и фужерами. Пустовавший целый день желудок громко заурчал. Лилианна покраснела и потупилась. Мужчина лишь улыбнулся. Он кивком приказал слуге поставить поднос рядом с ее кушеткой.

– Я не успел сегодня поужинать и жутко проголодался. Надеюсь, вы простите меня, если нашу беседу мы начнем с небольшого десерта, – спросил мужчина, беря с подноса несколько маленьких облитых глазурью пирожных.

Лилианна благодарно кивнула. Она чудесно понимала, что его мнимый голод лишь повод выйти из этой неловкой ситуации и разрядить обстановку. Теперь и она сама без стеснения сможет немного поесть. Девушка сразу схватила горсть винограда и отправила несколько спелых ягод в рот. За ними последовали малюсенькие пирожки с капустой и пирожное. Лилианна так проголодалась, что на четкое соблюдение этикета просто не было сил. Насытившись, она промокнула губы салфеткой. Хотелось пить, но к неизвестному вину девушка притронуться побоялась.

– Кто вы и для чего вы меня пригласили. Я арестована? – наконец спросила Лилианна, почувствовав, что немного смелости она все-таки наела.

– Ну что вы! Вы даже не задержаны. Мне просто хотелось с вами поговорить, но ваш цербер, дон Айседор, слишком уж яростно оберегал ваш покой.

– Я просто гостила в его доме.

– Конечно. И прогулки по городу в круг ваших развлечений не входили.

– Мне было незачем...

– Жена арестанта сидит дома, не высовывая носа на улицу!/? Редкая выдержка. Жены же других заключенных часами досаждали властям своими требованиями и претензиями, – от его издевки Лилианна потупилась.

– Дон Айседор все делал сам.

– Да, и делал с размахом. Вся знать встала на поддержку

инвалида.

– По-вашему это плохо!? Вам чуждо милосердие? – с вызовом спросила девушка.

– Ну, что вы. Оно мне не чуждо. Ведь помиловали же вашего мужа. Но в политической борьбе за ширмой милосердия зачастую скрывается что-то совсем другое.

– Вы чудовище! Милосердие в любой своей форме угодно Богу! – с жаром выкрикнула Лилианна.

Но тут же поежилась. А может он еретик или упаси бог сектант?

Пустынный дом на окраине. Девушка от страха вжалась в кушетку. Мужчина, заметив ее страх, рассмеялся.

– Не бойтесь, дитя мое. Я не ем маленьких девочек на завтрак и не собираюсь вас арестовывать. Хотя следовало бы.

– Хотя следовало бы? – шепотом переспросила Лилианна.

– Донья Сальваро, давайте говорить начистоту. Конечно, никто не утверждает, что вы принимали участие в заговоре, однако, живя все это время рядом с мужем и лично принимая гостей, вы крепкими канатами связаны со всей этой шайкой.

– Я не виновата! Я лишь исполняла свои обязанности.

– Так говорили многие женщины на допросах.

– На доп...

– Разве вы не знали, что многих жен пришлось допрашивать наряду с мужьями, особенно знатных дам, хозяек поместий и салонов?

– Нет. Меня никто не вызывал. Дон Айседор...

– Если бы вас вызвали официально дон Айседор ничего не смог бы сделать. Но вас решили не трогать.

– Спасибо. Но почему?

– Узнать, кто был в вашем доме, смогли и от слуг, вы же нужны для другого.

– Я нужна? Но для чего? Я никого не знаю, ни имен, ни фамилий. Я ничего не знаю, и не знала! – испугано залепетала девушка.

– Это пустое. Вряд ли кто-то решит, что вы англичанка, оторванная от семьи, выданная замуж за старика будете яркой сторонницей заговорщиков. Однако зачем ваш муж втянул вас в эту скверную историю совсем не понятно. Уж он-то знал, что при наихудшем раскладе вас, как и его ждут тюремные нары.

– О, нет! – после его слов Лилианна совсем упала духом, слишком уж свежи были ее воспоминания об английской тюрьме. – Прошу вас, я ни в чем не виновата!

– Возможно это так, а может и нет! Как вы относитесь к законному королю?

– Я!? Не как, то есть я не против, то есть я не оспариваю законность его прав.

– Значит, вы не откажитесь оказать ему небольшую услугу?

– Я!? Ему!? Да что я могу для него сделать!?

– Стать его любовницей. Возможно фиктивной.

– Что!?! – до Лилианны плохо доходил смысл сказанного.

Она вытаращила глаза на незнакомца. Но тут же успокоилась. Ну, конечно! Это же шутка. И этот странный визит, и этот дом все это чья-то шутка. Наверняка это друзья дона Диего ее проверяют или же дон Айседор решил немного попугать ее, наказывая за самовольное бегство из дома.

– Мне стать любовницей этого кастильского коротышки, дона Пепе Бутылки? Ничего умней, вы придумать не могли? – рассмеялась Лилианна.

Но смех застрял на ее губах. Лицо незнакомца стало жестким. Глаза уже не улыбались.

– Я употребляю вино не больше, а может и меньше ваших хваленых испанцев. А что касается моего роста, я на пол головы выше вас.

– Вы!?!

– Простите донья Лилианна, что так и не представился. Иосиф 1 Наполеон.

– Король Жозеф, – побелевшими губами прошептала девушка.

Она вспомнила монеты с изображением Наполеона. Профиль чуть другой, но явно похож. Перед глазами промелькнули зарисовки в газетах, карикатуры, над которыми Лилианна вместе с доном Айседором смеялась вечерами. Какая же она дура! И черт ее дернул назвать его этим смешным прозвищем. Брови короля были нахмурены, рот сжат в тонкую линию. Теперь ей точно не избежать тюрьмы. Хотя ес-

ли она ему нужна. Если он хочет сделать ее своей любовницей...

– Простите, сир. Я не хотела вас обидеть. Это вырвалось случайно. Я подумала, что это шутка.

– Это не шутка. Мое предложение остается в силе.

– Но почему, ваше величество? Вы влюблены в меня? – как-то невпопад спросила Лилианна.

– Ну что за детский лепет, дитя мое? Увы, я имею удовольствие видеть вас впервые. Конечно, вы интересная молодая девушка и я буду несказанно рад, если вы примете мое предложение, тем более, если вы согласитесь скрепить его белее тесными узами. Но принуждать вас к близости я не буду.

– Тогда я вообще ничего не понимаю! – растерянно проворчала, сбитая с толку девушка. – Если я вам не нравлюсь, вернее, нравлюсь, но не сильно, почему бы вам не выбрать какую-нибудь другую молодую женщину?

– Давайте расставим все точки над «и». То предложение, которое я вам делаю, носит исключительно деловой характер. Мне нужна молодая, симпатичная знатная женщина, которая смогла бы сыграть роль моей официальной любовницы. Вы как нельзя лучше для этого подходите. Вы не испанка, поэтому вы вряд ли являетесь яркой противницей французского господства на этой земле, да и немислимые испанские законы не могут быть применены к вам со всей строгостью.

– Вы хотите сказать, что мое английское воспитание, да-

ет вам право делать подобные предложения!?! – воскликнула Лилианна, возмущенная словами короля.

– Я ничего подобного не говорил. Просто то, что испанцы никогда не простят своей женщине, они б... более снисходительно отнесутся к чужой. И это без сомнения будет вам на руку.

– Мне на руку!?! Да как вы смеете, я жена испанского гранда!

– Вы жена испанского изменника! – повысил голос король. – К тому же англичанка! Мне что, стоит напомнить о том, что Франция и Англия воюют!?! Или что ваш муж находится в тюрьме?

– Вы его посадили...

– Нет, сударыня! Это он, заведомо зная к чему приведут его действия, втянул в нее сотни людей, в том числе и вас! Подняв мятеж против короля, против власти он подписал себе смертный приговор. Однако я помиловал его, в том числе и в угоду вам. И только от вас зависит, как долго он пробудет в тюрьме и в каких условиях он будет находиться!

– Вы, вы шантажируете меня этим!?!

– Я просто доходчиво все объясняю.

– А если я откажусь, вы бросите меня в ту же тюрьму!?!

– Ну, что вы. Моя французская кровь никогда бы не позволила мне поступить столь не галантно с дамой. Дверь не заперта. Вы абсолютно свободны.

– Я...я могу уйти? – робко спросила Лилианна.

– Конечно. В любой момент. Вот только куда?

– Простите?

– Куда вы пойдете? Все имущество вашего мужа конфисковано. Дом дона Айседора закрыт. Родственников в Испании у вас нет. И даже если вам удастся взять у кого-нибудь небольшую сумму, этих денег едва хватит на дорогу до порта и вряд ли хватит на билет. Ну, даже если у вас получится пересечь океан, то хотелось бы надеяться, что у вас в Англии найдутся богатые родственники, которые примут вас, нищую, с долгами. Вас и замуж-то выдать не смогут, так как вы еще не вдова.

После его, брошенных с пренебрежением слов, в комнате надолго воцарилась тишина. Каждый думал о чем-то своем. Лилианна взвешивала все и так и эдак, понимая, что она попала в западню. Что бы она ни сделала, что бы ни сказала, все будет ни хорошо, ни правильно. Можно попытаться найти дона Айседора и с его помощью уехать. Но получится ли это и хватит ли сил бросить больного дона Диего умирать в тюрьме? Вдруг она сможет помочь? Голос короля вывел девушку из задумчивости.

– Что вы решили? Время позднее. Давайте не будем затягивать с ответом.

– Я...я принимаю ваше предложение.

– Хорошо. Это разумное решение. А теперь идите отдыхать. В соседней комнате уютная спальня.

– Спальня!? А вы...

– Не волнуйтесь. Я дал слово ни к чему вас не принуждать.

К тому же мне давно пора удалиться.

– Я буду жить здесь?

– Нет, конечно. Вы поселитесь в вашем доме и будете жить там.

– В моем доме? – переспросила Лилианна.

– Разве вы не знали, что у вашего мужа недалеко от Базилики Сан-Франциско-эль-Гранде есть большой красивый особняк?

– Нет. Я не бывала прежде в Мадриде, – смутившись, пролепетала девушка.

– Что же. Пора вам вступить в права хозяйки. Возможно, вы захотите что-то обновить или благоустроить.

– Обновить? Но у меня нет денег.

– Не волнуйтесь. У вас будет достаточно средств на ремонт и многое другое. Вы сможете тратить свободно. В разумных пределах, конечно. Обживитесь, присмотритесь. Я хочу, что бы уже через месяц вы начали выезжать в свет.

Мадрид

Уже на следующее утро девушка робко постучала в двери, озираясь вокруг. Дом находился практически в центре города, однако стоял в конце узкой улицы и казался забытым и заброшенным. Особняк был построен еще несколько веков назад и с тех пор был много раз перестроен. Он сто-

ял как сказочный великан в окружении сада. Деревья и кусты, видимо давно не знавшие рук садовника, разрослись. Кроны высоких каштанов доходили до самой крыши. Дом не походил на уютное гнездышко и подавлял своей мрачностью и массивностью. Последнюю ступеньку старой, кое-где рассыпавшейся лестницы, Лилианна преодолела с трудом. Она совсем не чувствовала себя хозяйкой этого большого дома. Да и как слуги должны принять госпожу, прибывшую без предупреждения, да еще без вещей, без слуг, без кареты. Несколько долгих минут Лилианна стояла возле двери, не в силах в нее постучать. И если бы не кучер, с любопытством поглядывающей на нее, девушка бы, наверное, просто убежала прочь. Но вот тяжелые двери открылись, и почтительный дворецкий низко склонился перед новой хозяйкой этого дома. Оказывается, еще вчера вечером экономка была предупреждена о ее приезде и горничные хаотично заканчивали уборку первого этажа. Лилианна сдержанно поприветствовала слуг. Выдавить улыбку она так и не смогла. Вежливо отказавшись от небольшой экскурсии по дому, девушка сразу попросила проводить ее в спальню. Лишь присев на краешек огромной, застеленной темно-коричневым бархатом кровати Лилианна почувствовала, как трясутся ее руки. Эта спальня, расположенная на первом этаже, была темной и неприветливой. Массивная мебель из крашеного дуба казалось, придавливала девушку к полу, а задрапированные темно серым шелком стены грозили того и гляди обру-

шиться ей на голову. Разросшиеся за окном деревья, едва пропускали свет. Эта комната была так похожа на спальню дона Диего в Лондонском особняке и навевала на Лилианну такие страхи, что уже через несколько минут новая хозяйка горько плакала, уткнувшись в подушку, чувствуя себя маленькой брошенной и одинокой. Лишь после обеда Лилианна осмелилась выйти из комнаты. Отказавшись от компании экономки, она, молча, ходила по дому, рассматривая дорожкой, но суровый интерьер, присущий многим старым испанским особнякам. Жить здесь будет тяжким испытанием. Дому так не хватало изящества, воздуха, света.

Утром, одев выстиранное и отглаженное платье, Лилианна решила выйти на улицу. Она чудесно понимала, что ей как воздух необходима новая одежда, новое белье и обувь. Под строгим взглядом старой экономки, девушка терялась и попросить ее сделать покупки не осмелилась. Один за другим Лилианна обходила магазины, она могла часами разглядывать то одно, то другое. Но стоило хозяйке или хозяину подойти к девушке с расспросами, как Лилианна в страхе убегала прочь. Лишь поздно вечером, набравшись сил, горе покупательница дрожащей рукой положила на прилавок пару тонких лайковый перчаток. Маленькая улыбчивая старушка, работающая в лавке, с недоумением посмотрела на посетительницу.

– Господи надо же заплатить! – наконец догадалась Лилианна.

Со страху она абсолютно обо всем забыла. И начала судорожно рыться в небольшой сумочке, висевшей на руке. И наконец, Лилианна высыпала на прилавок небольшую горсть золотых монет. Однако по лицу продавщицы девушка сразу поняла, что это слишком много и, сделав вид что ошиблась, с улыбкой сгребла их назад в сумочку, оставив на столе лишь одну из них. Но судя по горстке сдачи даже этого было много. Взяв заветный кулек, девушка медленно, задрвав нос, направилась к выходу, хотя больше всего на свете ей хотелось приподняв длинные юбки опростетью бежать до дому. Душа пела, а ноги сами пускались в пляс. Облегчение, радость, гордость сменяли друг друга. Никогда в жизни Лилианна не чувствовала себя такой свободной, смелой и уверенной в своих силах. Еще в Лондоне, разглядывая шикарные витрины магазинов, девушка мечтала зайти туда с высоко поднятой головой и, выбрав самую дорогую вещь, небрежно высыпать пригоршню золотых монет на прилавок и удалиться под изумленным взглядом притихшей толпы. Только сейчас, получив сдачу, Лилианна поняла, насколько она богата. И как ценен маленький сундучок с золотыми монетами, подаренный королем. Раньше она редко задумывалась о ценности денег. Ни каких-то дорогих вещей, одежды или лошадей, а именно самих денег. И если в Англии девушка представляла разницу между несколькими су и золотой монетой, то в Испании она знала только название местных денег, и ни разу живя в гасиенде не держала их в руках. Придя домой

Лирианна закрыла на щеколду дверь и высыпала содержимое сундучка на широкую кровать. Девушка долго перебирала пальчиками золотые монеты, любуясь их блеском и красотой. На следующее утро донья Родригес де Сальваро маркиза де Бранчифорте, принцесса Пьетраперция в сопровождении двух крупных лакеев и одной молоденькой горничной, в большой открытой коляске, нанятой накануне, поехала за покупками.

– Что же, возможно жить в Мадриде будет ни так уж и плохо! – подумала Лирианна, оглядывая ворохи кульков, свертков, коробок и коробочек, заваливших большую кровать.

Теперь-то девушка наизусть выучила сложную денежную систему Испании: 4 реала составляют 1 песету; 10 реал это 1 эскудо; 10 эскудо равен 1 дублону Изабеллы, золотому. Теперь в сундучке помимо золотых дублонов были и серебряные испанские пиастры. Было что-то завораживающее в желтоватом и беловатом блеске этих монет.

Прошел месяц, с тех пор как донья Сальваро перебралась в дом мужа. Весь этот месяц Лирианна прожила как в розовой дымке. Безудержный подъем, начавшийся после первой покупки, захлестнул девушку с головой. Она как изголодавшийся странник, волею судьбы попавший на пир никак не могла насытиться этим прекрасным чувством свободы. Задыхаясь в доме мужа, девушка дни напролет проводила в погоне за новым платьем, сумочкой, веером. Она была удивлена, узнав, что за эти годы мода не стояла на месте и то, что

носили великосветские дамы в Лондоне перед свадьбой, уже никто не одевал. Наряду с греческой модой начинает появляться римская, турецкая.

– Роскошь и любовь к новому дошли до такой крайности, – услышала однажды Лилианна разговор двух матрон, – что дама, одетая по-римски, стыдится принимать гостей своих в комнате, убранной во французском стиле. Когда хозяйка одета гречанкою, тогда и мебель непременно должна быть греческая, когда она в турецкой шали, тогда мягкие диваны покоят ее прелести и богатые восточные ковры лобызуют ее ноги.

Лилианна решила не отставать от великосветской моды и пустилась «во все тяжкие». Она буквально сметала с прилавков дорогих магазинов понравившиеся вещи, нисколько не заботясь о том, что по городу уже поползли слухи о чрезмерном, немислимом мотовстве жены дона Диего.

Тем более что моде Франции, а значит и испанского двора, перестали подходить простота и скромность «греческих» одежд. Тяжелые шелка и бархат Лиона теперь плотно укрыли недавних «нимф и богинь» Наполеоновского двора. Император восстановил красный и синий, цвета королевской власти. Тяжелые ткани расшивались массивным античным орнаментом, эта вышивка золотым каскадом окружала тяжелые трены и подолы придворных платьев. Головы модниц венчались драгоценными диадемами, чалмами и тюрбанами. Очень Лилианне понравилось то, что бальные пла-

тъя получили съемные шлейфы, которые можно было быстро снимать, чтобы принять участие в танцах. Мужская мода была не менее роскошной. Мужчинам полагались форменные мундиры, присвоенные тому или иному учреждению, где они служили. Самые модные и состоятельные надевали бархатные и атласные кафтаны, богато вышитые шелками. И пусть Лилианна еще не выезжала в свет, однако витрины магазинов и женские журналы многое могли поведать внимательной моднице. Упряжка, итальянская мебель, чешский хрусталь, испанские зеркала, русские меха, драгоценности. Аристократия недоуменно оглядывалась вслед, завидев ее инкрустированную золотыми бляхами коляску.

– Откуда у жены арестанта, лишившегося всего своего состояния такое количество шальных денег? – спрашивали вокруг.

Но, увы, недолго. Как только Жозеф Бонапарт впервые, по-хозяйски переступил порог старинного особняка, уже ни у кого не возникло вопросов, чьи деньги с такой легкостью тратит донья Сальваро. Тихий шепот, липкие взгляды стали преследовать девушку буквально на каждом шагу. Даже поездки по городу стали для Лилианны неприятной необходимостью. Возбуждение и эйфория резко сменились упадком сил. Теперь хозяйка особняка могла сутками не вылезать из душной спальни. Непереносимая летняя жара еще больше выматывала Лилианну. Окруженная непониманием и осуждением даже в собственном доме, девушка превра-

тилась практически в узницу своей комнаты, комнаты которую Лилианна так ненавидела до сих пор. Частые визиты короля стали сущим испытанием для девушки. Вечера в компании Жозефа тянулись медленно и не доставляли удовольствия ни хозяйке дома, ни ее венценосному гостю. Порой Лилианне казалось, что только изысканный ужин, щедро разбавленный дорогим французским вином, приводит короля в этот дом. Но это впечатление быстро рассеялось, после одного неприятного инцидента. Однажды вечером, выпив чуть больше обычного, Жозеф вдруг неожиданно набросился на девушку. Король уже не раз намекал «фаворитке» о своем желании «укрепить связь», однако Лилианне удавалось обходить острые углы, вовремя менять тему или отшучиваться. Разомлевший после ужина и вина Жозеф галантно принимал условия игры. Именно поэтому его грубое нападение стало полной неожиданностью для девушки. Ни следа от галантности и сдержанности не осталось, когда Жозеф вдруг подобно голодному зверю набросился на девушку. Лилианна и охнуть не успела, как оказалась на полу. Неожиданность была столь велика, что первые несколько секунд тело находилось как будто в ступоре. Лишь почувствовав, что задыхается под тяжестью навалившегося на нее мужчины, Лилианна стала бешено сопротивляться. Она пускала в ход коленки, кулаки, отпихивала, колотила, уворачивалась, но в Жозефа как будто дьявол вселился. Услышав как трещит ткань тонкого муслинового платья, девушка вцепилась когтями в

щеку насильника. Видимо острая боль привела мужчину в чувства. Он охнул, на мгновение застыл, а потом, оттолкнувшись рукой, перекатился на спину. Обретя неожиданную свободу, Лилианна притихла. В полной тишине было слышно только их прерывистое дыхание. Немного успокоившись, девушка привстала на локте и стала внимательно наблюдать за королем. В том, что нападения больше не последует, она не сомневалась. Жозеф лежал на спине, тяжело дыша. Широко открытые глаза смотрели в потолок и казались неживыми. Лицо и шею покрывали крупные капли пота. Вдруг Жозеф резко выдохнув воздух сел. Лилианна от неожиданности шарахнулась в сторону. Не глядя на девушку, король тяжело, с усилием встал. Казалось, каждое движение дается ему с трудом. Подойдя к столу, Жозеф схватил бутылку вина и стал жадно пить ее прямо из горла. Допив остатки, он с силой швырнул ее в камин. Лилианна взвизгнула, когда острый осколок стекла, отскочив от каминной кладки, порезал обнаженную ногу. Жозеф в два шага пересек комнату и, наклонившись, внимательно посмотрел на маленькую ранку, из которой тонкой струйкой стекала кровь. Лилианна вдруг остро почувствовала, что ее нога обнажена до самого бедра и стала судорожно прикрывать ее остатками платья. Жозеф хмыкнул, как будто ее скромность была для него забавной.

– Я не хотел тебя пугать, просто все накатило. Неужели тебе совсем не хочется попро...

– Нет! Вы дали слово! – слишком быстро и слишком гром-

ко выкрикнула девушка.

– И я его сдержу! Хорошо. Пусть все останется как есть, – сказал король и никак не пояснив сказанное, вышел из комнаты.

Лилианна еще долго сидела на полу и размышляла над произошедшей сценой. Сколь ни мал был ее опыт общения с мужчинами, но даже она понимала, что попала под горячую руку. Видимо и в самом деле на него многое накатило. Жозеф хотел снять накопившееся напряжение, выплеснуть на кого-то злость и агрессию. Никакой влюбленностью здесь и не пахло. На месте девушки могла оказаться служанка или какая-то другая более доступная женщина.

После инцидента Жозеф несколько недель не приходил в дом к донне Сальваро. Лилианна уже вздохнула свободно, втайне надеясь, что после неприятной сцены у короля пропадет к ней интерес. Но получив ароматную карточку с приглашением на званый вечер от какой-то графини, поняла, что ее чаяниям не суждено сбыться. Выход в свет в роли королевской содержанки приводили Лилианну в ужас. Лишь представив липкие презрительные взгляды и шепот за спиной, девушку начинало трясти. На два дня, Лилианна, которая никогда раньше не болела, слегла с приступом сильной головной боли. В следующий раз перед самым балом было «случайно» испорчено платье. Увы, всех этих хитростей надолго не хватило, и девушка прибегла к одному из главных оружий женского пола, к слезам. Однако уговоры и мольбы быстро

надоели Жозефу и он с суровой решительностью потребовал от девушки выполнения своего долга. Лилианна хорошо понимала, что за богатство и свободу нужно платить, однако старалась как можно дольше отодвинуть этот день.

И вот, поздним августовским вечером, облаченная в роскошное тяжелое бархатное платье, цвета красного вина, с драгоценной диадемой в черных волосах донья Родригес де Сальваро маркиза де Бранчифорте, принцесса Пьетраперция медленно поднималась по ступенькам театра, положив дрожащую холодную руку на рукав вышитого золотом мундира короля. Девушка догадывалась, что это первый совместный поход в театр не будет для нее праздным выходом в свет, однако лишь оглядев с высоты королевского ложа зал, поняла какой пыткой будет для нее это летний вечер. Уже впервые минуты, незаметно разглядывая публику, Лилианна сообразила какую глупость совершила, согласившись одеть в театр это присланное накануне яркое кричащее платье. Не смотря на засилье французской моды испанки одевались весьма сдержанно, предпочитая строгие туалеты и пастельно-светлые тона и все возможные оттенки темного цвета. Лишь несколько платьев, в которых яркие цвета сочетались со строгостью кроя, притягивали взгляд. Сама фигура любовницы короля разжигала любопытство, а уж ее красный, усыпанный драгоценными камнями наряд, стал без сомнения гвоздем этого вечера. Во время небольшого антракта Лилианна сидела, опустил глаза и спрятав в складках юб-

ки дрожащие руки. Бесконечная череда почтительных приветствий, которые предназначались королю, ни в кое мере не касались его спутницы. Испанское дворянство не скрывая любопытства, разглядывало девушку, награждая ее то – испытующим, то – презрительным взглядом. Лилианна знала испанский уже достаточно хорошо, что бы понимать сквозь шум толпы обидные реплики, брошенные в ее адрес. Нет, в нее не тыкали пальцем, не кричали в лицо. Никто бы не осмелился открыто оскорбить новую пассию короля, да еще в его присутствии. Но от их нескромных взглядов, от презрительно поджатых губ девушку бросало то в жар, то в холод.

– Вы ведь специально прислали мне это платье? – уже не сдерживая рыдания, закричала Лилианна, как только король со своей спутницей скрылись в полутьме закрытого экипажа.

– Ты была прекрасна. Тебя заметили. Дай тебе волю, ты бы оделась как серая мышка или надела на голову колпак. Я не потерплю рядом с собой серости и посредственности! Ты привлекла внимание толпы. Уже завтра о тебе заговорит весь город.

– А вам только этого и надо, что бы на меня тарасились! Что бы меня на каждом углу обливали грязью!

– О своем чистом имени надо было думать до того как ты на всю страну прославилась своим мотовством! Играй свою роль, солнце мое, ведь тебе за нее так щедро платят! – похоже, нытье девушки стало выводить Жозефа из себя.

Прикусив язык, Лилианна отвернулась к окну. Сглатывая

слезы, она поклялась себе никогда в жизни не носить красные платья. Платья цвета крови, цвета пьянящего вина, цвета ее горькой славы. Увы, это было только начало.

Лилианна перебирала пальчиками маленькие, ароматно пахнущие карточки. В детстве, играя в доме родителей, она так мечтала, что когда-нибудь, повзрослев, будет получать вот такие элегантные приглашения на балы, приемы и обеды. Как будет решать пойти на бал к герцогине такой-то или к графине такой-то. А потом выбирать платья, шали, шляпки. Мама не могла похвастаться большим гардеробом, однако она никогда не ругалась, если девочка часами крутилась возле зеркала, обернувшись в длинную кашемировую шаль или накидывала на плечи единственную выходную накидку матери и прохаживалась по комнатам, путаясь в ее длинной поле. И вот сейчас ее детские мечты сбылись. Туалетный столик завален приглашениями и карточками. Вот только у Лилианы не было никакого желания куда-то выходить. Прошли уже более двух месяцев, с момента ее первого выхода в театр. Под нажимом короля свет принял ее сначала с любопытством и призрением, позднее с холодным равнодушием.

К новой пассии Жозефа дворянство быстро потеряло интерес. Девушка не была ни ослепительной красавицей, ни экстравагантной модницей, ни обаятельной светской львицей. Даже клеше алчной авантюристки, которым ее наградили вначале, рассеялось как дым. Но возможно на все это посмотрели бы сквозь пальцы, если бы не одно «но». Самым

главным недостатком доньи Сальваро было то, что она даже в малейшей степени не могла и не хотела влиять на решения и настроения короля. Робкими, неслышными шагами, входя в светскую гостиную, Лилианна тут же старалась смешаться с толпой, а еще лучше найти укромный уголок, и спрятаться от шума, от суеты, от любопытных глаз. Девушка так и не смогла найти комфортный для себя круг общения. Сторонники короля игнорировали ее, противники открыто призирали. Поначалу она пыталась влиться в какую-нибудь группу людей, завести знакомства, начать разговор. Но стоило, кому-то обратить на нее пристальное внимание как Лилианна терялась, начинала заикаться и старалась как можно быстрее уйти. И куда только делась ее образованность и начитанность, которыми так гордилась ее тетя или внимательность к собеседнику и тактичность, которая так нравилась дону Диего и его гостям. Девушка понимала, что ее вынужденная компания приятна далеко не всем и никогда первая не начинала разговор. Жозеф часто ругал ее за подобное поведение. Однако Лилианна не хотела набирать очки эпотажными выходками или хамством. Буквально выпихнув любовницу в свет, король тут же бросил ее одну. Возможно, если бы Жозеф, хоть раз оказал ей прилюдно поддержку или заступился бы за нее, знать не посмела бы относиться к ней с таким призрением и отчуждением, но, увы, на балах и приемах король никогда не подходил к ней, не одаривал ее вниманием или благосклонностью. Однако, не смотря на все это, он

дважды в неделю на виду у всего города посещал свою любовницу в ее старинном особняке. И пусть долгими вечерами они играли в шахматы и карты, но об этом догадывались только молчаливые слуги, для всех остальных Лилианна была шлюхой, подстилкой ненавистного короля. Как же обидно это была для одинокой испуганной девственницы. Еще один раз Жозеф попробовал воспользоваться ситуацией, но получив яростный отпор, более не настаивал. И это единственное за что девушка была ему благодарна.

Лилианна все еще в задумчивости перебирала карточки, когда после едва слышного стука в комнату заглянула экономка. Уже не впервые пожилая испанка входила, не дожидаясь приглашения, и это была не единственная дерзость, которую она себе позволяла. Сеньора Деборо была не просто опытной экономкой, прожившей весь свой век в этом доме, но и дальней родственницей дона Диего. Сначала Лилианна пыталась наладить с ней общий язык, но ничего кроме молчаливого призрения не получила в ответ. Возведенная в ранг почти что хозяйки, при холостом господине, она тяжело переносила приезд его молодой жены. Девушка понимала как трудно этой пожилой женщине, посвятившей всю свою жизнь служению этому дому и этой семье, смириться с прилюдным позором супруги дона Диего. И будь Лилианна знатных испанских корней, возможно бы экономка не осмелилась бы так себя вести, но перед «нищей англичанкой» расшаркиваться было не обязательно. Ее далеко не почтитель-

ное отношение к хозяйке накаляло и без того тяжелое положение в доме.

Слуги, подстрекаемые с одной стороны экономкой, с другой старым дворецким разбились на два враждующих лагеря. Одни всей душой приняли тихую, застенчивую хозяйку, ценя ее за доброту и участие, другие яро ополчились против нее, пользуясь ее мягкостью и робостью.

– Донья Сальваро, в гостиной вас дожидается мужчина. Говорит, что вы не откажитесь его принять, – поджав губы, отчеканила сеньора Деборо.

От девушки не ускользнул двусмысленный намек, вложенный в последнюю фразу. Можно подумать она с утра до вечера принимает мужчин. Однако единственным посетителем особняка был король и уж экономка то хорошо это знала. Конечно, надо было бы ее одернуть, да не хотелось портить себе настроение бессмысленной перепалкой со слугами. К тому же девушка до сих пор робела перед внушительной фигурой пожилой испанки.

– Кто он? Он представился? – с любопытством спросила Лилианна.

– Я, в отличие от сеньора Франца, не пропустила бы в дом неизвестно кого! Вот карточка! – фыркнула экономка, положив на столик маленький квадратик белой бумаги.

Щеки Лилианы предательски заалели. Намек по поводу того, «кого» именно старому дворецкому не стоило пускать в дом, был слишком прозрачен. Что бы скрыть замешатель-

ство девушка сразу взяла в руки карточку и тут же радостно вскрикнула.

Лаццаро

«Никколо Франческо Лаццаро. Художник».

Когда прошли первые волнительные мгновения девушка отвела сеньора Лаццаро в малую гостиную. После чашки дымящегося чая художник рассказал девушке о своем бегстве из гасиенды. Как оказалось, он уже несколько месяцев находился в Мадриде.

– После ареста дона Диего и вашего отъезда, французы почти сразу начали хозяйничать в доме, а уходя его разграбили. Увели лошадей и крупный скот, – после просьбы девушки начал свой невеселый рассказ художник.

– Значит, все остальное уцелело? Управляющий должен бы в случае беды спрятать припасы, а ценные вещи и оставшейся скот отогнать к соседям.

– Увы, дитя мое. Этот плут первый бросил нас, прихватив с собой значительный куш.

– Как он посмел!? Это же воровство!

– Увы, он был не единственным, кто поспешил воспользоваться ситуацией. Поняв, что хозяин не вернется слуги начали растаскивать домашнюю утварь и припасы. Соседи, те самые благородные доны, которые приклонялись перед доном Диего, тоже приложили свою руку. Кто-то ночью увез

из сарая сено, кто-то угнал двух быков с дальнего пастбища. Но больше всех отличился дон Франциско. Объявив, что дон Диего должен был ему большую сумму денег этот «друг семьи» присвоил себе мельницу.

– Но это же подло! Бесчестно! Я надеялась, что они помогут, а они... – Лилианна была так возмущена что незаметно для себя перешла на английский.

– Увы, дитя мое. Их главная задача была не попасть под горячую руку французов. Ведь несколько человек обвинили в сговоре с доном Диего и арестовали. О дружбе речи не идет, когда нужно спасать свою шкуру. Ну, а уж если при всем при этом есть возможность безнаказанно обогатиться...

– Я хотела написать письмо в усадьбу и узнать как там дела, но так и не нашла время. Сначала ждала суда, надеясь что все образумится. Потом... потом было не до того, – как-то робко обронила Лилианна.

Вдруг девушка густо покраснела. Только сейчас она сообщила что если сеньор Лаццаро узнал что она живет здесь, то он наверняка знает о ней и многое другое. Почувствовав заминку, сеньор Лаццаро одобряюще улыбнулся девушке.

– Вы меня осуждаете? – спросила она.

– Нет. Пусть бросит камень тот, кто безгрешен. А я, увы, многое в жизни повидал. Я знаю вас уже давно и вы никогда не были легкомысленны или порочны. Я слышал, вас взял под свою защиту дон Карлеонэ, но я не могу понять как вы

попали в руки Жозефа. Возможно вы влюбились? Ваш брак нельзя было назвать удачным, а тут король, победитель. К тому же он богат.

– Я понимаю к чему вы клоните. Когда все это началось... я не смогла удержаться... мне так стыдно. Ну вы понимаете?

– Я вообще ничего не понимаю. Начните с начала, дитя мое, – одобряюще улыбнулся сеньор Лаццаро.

Лилианна так и сделала. Немного помолчав, она выложила старому другу свою историю. С самого начала, с того дня как однажды поздно вечером в дом ее мужа постучали солдаты. Сеньор Лаццаро слушал молча, не перебивая. Лишь его длинные красивые пальцы беспрестанно отбивали какой-то ритм на столе. Лилианна была благодарна этому эмоциональному венецианцу, за несвойственную ему сдержанность и тактичность. Прерви он ее рассказ какой-нибудь репликой, девушке было бы сложно его продолжить. А так незаметно для себя Лилианна не только поведала свой невеселый рассказ, но и раскрыла перед этим пожилым мужчиной свою душу. Когда девушка закончила, сеньор Лаццаро улыбнулся.

– Что же все не так плохо как мне казалось.

– По вашему «не плохо»? – изумилась Лилианна. Она ожидала совсем другого. Если не осуждения, то уж точно сочувствия своему горю, а тут...

– Жизнь вас потрепала, но вы умная и сильная и сделали правильный выбор.

– Я не очень вас понимаю, но я рада вашим словам. Мне было бы так тяжело увидеть признание в ваших глазах, – грустно улыбнулась Лилианна. Она уже свыклась с мыслью о том, что она поганая овца.

– А вот это зря! Вот за это вы достойны осуждения!

– То есть как? Я не поняла?

– Очень просто. Да, я был наслышан о том, что вы являетесь любовницей Жозефа. Хотя и сомневался в этом. Но даже если бы это было так, я не вижу в этом ничего позорного. Испокон веков короли брали себе в любовницы прекраснейших представительниц своего времени. Целые эпохи смотрят на нас лицами этих великолепных женщин. Вся история Греции, Рима, Византии, Франции пропитана духом свободной любви. Такие фигуры как Монтеспан и Памподур гремят ничуть не меньше, чем короли этих времен. А что вы слышали о бедных женах этих монархов? Почти ничего. А они были королевами.

– Я никогда об этом не думала.

– А зря! Глядя на стакан, наполовину наполненный водой, вы видите что он наполовину пуст, не замечая что он наполовину полон. Вас осудил и отверг свет совсем не за вашу связь с королем, а потому что вы не оправдали их ожиданий. Но хуже всего то, что вы позволили им осудить и отвергнуть себя. Выживает сильнейший.

– Боюсь это не для меня. Зная что мне предстоит очередной выход в свет, у меня начинают трястись коленки. Я чув-

ствую себя белой вороной среди этой толпы. Когда кто-то заводит со мной разговор, я заикаюсь, начинаю путать английские и испанские слова.

– И зная этот небольшой грешок, вы теряетесь еще больше.

– Да пожалуй.

– Вы знаете испанский, знаете английский и французский.

– Учить то меня учили, но... я знаю испанский не достаточно хорошо что бы свободно общаться на нем с испанцами, а из беглой французской речи я понимаю не все. Я начинаю путаться, переходить на английский. Не знаю. Мне проще сидеть в уголочке и молчать.

– И это ваша главная ошибка. Вы снова видите пустой стакан, а не полный. Да вы не владеете в совершенстве испанским и французским. Даже изучая язык с детства, иностранцу тяжело соперничать с исконными носителями языка. Общепринятые обороты, пословицы, афоризмы. Это впитывается с молоком матери. Подумайте лучше о другом. Ведь вы знаете испанский значительно лучше французов, а французский получше испанцев. Так?

– Возможно.

– Тогда вы в лучшем положении, чем большинство из них. Жозеф привел с собой большое количество французской знати, которое по малейшему поводу грызется с испанскими донами. Вы же сами видите что свет разбит на два непримиримых лагеря. Про французский и про испанский.

Да и сами испанцы ни как не могут договориться.

Лилианна кивнула. Конечно живя в доме дона Диего девушка слышала о правлении Бурбонов, отречении Карла IV и его сына Фердинанда VII и провозглашении на престол Иосифа I, Жозефа Наполеона. Но только стараниями дона Айседора она стала неплохо разбираться во внутренней политике Испании, в ее партиях и группах. Французы и испанцы вели сражения не только на поле брани, но и в стенах гостиных и салонов.

Даже если не брать ярых монархистов, сторонников Фердинанда VII, можно с уверенностью сказать, что в рядах про французской партии не было единства. Сторонники конституции – либералы, представлявшие идеи французской революции с пеной у рта доказывали свою правоту, без устали критикуя реформаторов, так называемых «офранцузенных». Последние, в число которых входили государственный секретарь де Уркихо и военный министр О'Фаррилл были уверены что только сотрудничество с сильной Францией может помочь Испании не только в борьбе против соседей, но и защитить испанские власти против самого оккупационного режима.

– Но не могу же я их помирить, – улыбнулась девушка.

– Этого никто и не требует. Но вы практически на равных можете общаться с одной, другой и третьей группой. Ведь вы жена заговорщика, любовница французского короля, к тому же англичанка.

– По-вашему это мои плюсы? – изумилась Лилианна, – Для них я жена нищего арестанта, шлюха ненавистного короля, к тому же глупая англичанка.

– Ну, это вы зря! Просто надо любую ситуацию повернуть к себе лицом. Фигура вашего мужа, хоть и нищего по-прежнему окутана ореолом славы, как заступника отечества. Если кое-где рассказать душещипательную историю о том, как коварный искуситель шантажом и подкупом подтолкнул бедную вдову на путь греха, ну и так далее. Свет падок на подобные истории. Кто-то будет жалеть, кто-то восхищаться или осуждать, но самое главное что про вас снова вспомнят. Это вас шанс выйти из тени, показать себя, найти свой круг.

– Я все понимаю. Я ведь не дурочка. Я пыталась! Но лезть в политику или интриговать мне не хочется.

– Вас никто на это и не толкает. Боже упаси! Сунься вы в этот змеиный клубок, вас сожрут с потрохами. Вас должны интересовать более возвышенные сферы.

– Да, конечно, я старалась. Но моего испанского не хватило что бы на равных обсуждать испанскую поэзию и прозу. Я плохо знаю местных авторов. Да и с современной, модной, французской литературой я не в сильном ладу. Я люблю английских писателей: Дефо, Джерома. А Джейн Остин. О ее книге я могу говорить часами. Но в Испании «Гордость и предубеждение» мало кто читал. Ее просто не поймут. Я зашла в тупик сеньор Лаццаро. То, что интересуется их я плохо знаю, а то что интересно мне, не знают они. Наверное, я

не слишком умна, не сильно образованна, да и вообще бесполова.

– Я понимаю тебя, дитя мое. Ты винишь себя во всех неудачах, но я считаю что главный виновник твоих бед – твой муж. Дон Диего совершил несколько серьезных ошибок, за которые тебе еще долго придется расплачиваться. Он буквально выдрал тебя как нежный, едва распустившийся цветок из знакомого сада и бросил на раскаленный песок Испании, без ухода, любви и заботы.

– Вы все шутите!

– Да, какие уж тут шутки. Зачем он женился на тебе и увез из Англии, я не знаю. Да бог ему судья. Но как он осмелился втянуть совсем молодую неопытную девушку в заговор, да еще не позаботясь о ее дальнейшей судьбе? Если бы он представил тебя свету, нашел покровителей, ну или хотя бы понимая к чему приведет его проигрыш, обеспечил бы тебя, вывез из страны, – развел руками сеньор Лаццаро.

Лилианна сидела молча, опустив голову. Эти мысли давно приходили в ее голову. Да, дон Диего ее не любил. Да, он готов был жизнь отдать за свободу Испании. Но стал бы он действовать столь опрометчиво, если бы на ее месте была мать, его любимая Омелия?

– Что толку об этом говорить. После драки кулаками не машут. Пусть наш брак и не был удачным, но я все равно чувствую свою вину перед доном Диего. Бог свидетель, я пыталась соответствовать его ожиданиям. Старалась достойно

войти в этот круг избранных людей, что бы еще больше не позорить древнее имя Сальваро, но у меня ничего не получилось, – вздохнула Лилианна. Она встала с кушетки, расправив уставшие плечи.

– В том то и дело. Ты все время старалась соответствовать чьим-то ожиданиям. Переделать себя. Но если вы не можете измениться под этот мир, измените мир под себя.

– О чем вы говорите. Как я могу изменить мир!? Я же не бог и не волшебница.

– Ну, это образное выражение. Вам нужно создать свой собственный круг. Вы хорошо рисуете, неплохо разбираетесь в живописи. Создайте свой солон. Для художников, людей искусства, для всех, кого привлекают разговоры о прекрасном, возвышенном, а не политические баталии. Вам пора стать самой собой. Стать привлекательной молодой женщиной. Свободной и состоятельной.

– Стать самой собой, – мечтательно проговорила Лилианна.

Как бы ей этого хотелось. Идея открыть солон была очень привлекательной. У многих знатных испанок был свой круг людей, знакомых по интересам, малый двор. Но они сильно зависели от своих мужей и их политических пристрастий. Но Жозеф вряд ли будет диктовать ей кого принимать в своем доме, а кого нет.

– Идея хорошая, но как ее воплотить? Не буду же я за руру тащить людей в мой дом? Или рассовывать в гостиных

приглашения.

– Ну тащить никого не придется. Этот дом так давно окутан ореолом таинственности, что стоит пустить слух о маленьких открытых вечерах как знать будет из рук вырывать вашу карточку друг у друга. Ну, а захотят ли прийти они сюда еще раз, зависит только от вас.

– Но я не знаю ни одного художника, кроме вас, конечно.

– Зато я знаю. Приход этой публики я вам обеспечу.

– Ах, как же я рада что вы зашли! Вы просто возвращаете меня к жизни! – воскликнула Лилианна.

Она присела рядом с другом и с благодарностью сжала его тонкую ладонь. Только сейчас девушка заметила, что комната окутана в полумрак. Уже стемнело. Неужели они проговорили уже несколько часов? И никто их не прервал. Не принес свечи. Не напомнил об ужине. На гасиенде дона Диего такое даже представить было нельзя. Сеньор Лаццаро наверное уже давно проголодался.

– О боже! Какая же я глупая! Я вас совсем уболтала. Давно пара ужинать. Я прикажу что бы накрыли здесь. Надеюсь вы не откажите мне и останетесь на ужин? – засуетилась девушка.

– С превеликим удовольствием! Я и в самом деле задержался здесь дольше, чем хотел и привычный ужин в доме друга безвозвратно пропущен.

– Я так и не спросила где вы остановились?

– В доме друга.

– Понятно, – рассмеялась Лилианна. Как же давно ей не было так хорошо.

Прошло полгода с тех пор как под самое рождество донья Родригес Велатос де Сальваро открыла двери своего дома для пестрой толпы художников, их муз и их поклонников. Этому событию предшествовали несколько месяцев кропотливой подготовки, большую часть которой взял на себя сеньор Лаццаро. Именно с ним сутки напролет Лилианна выбирала новую мебель, обои, шторы и ковры. Под чуткой рукой художника старый особняк преобразился в модный дом, наполненный изящной мебелью, воздухом и светом. Без зазрения совести Лилианна сослала на чердак громоздкие кресла, старые стулья и огромные шкафы. Лишь спальню донна Диего девушка оставила без изменения. Сама же хозяйка переселилась в светлую уютную комнату на втором этаже, обставив ее в соответствии со своими вкусами и пристрастиями. Теперь Лилианна сама удивлялась почему она раньше не додумалась переехать из неудобной, ненавистной хозяйской спальни. Времена, когда старый особняк казался тюрьмой прошли, теперь молодая хозяйка просто влюбилась в этот дом, наполняя его весельем и душевным теплом. Увы, сменить прислугу так же как вышедшую их моды мебель, девушка долго не решалась. И лишь когда донья Деборо грудью встала на защиту старого порядка, наотрез отказавшись выполнять приказы сумасбродной англичанки, Лилианна решилась на серьезный разговор с экономкой. Донья

Деборо ушла из дома громко хлопнув дверью, несмотря на то, что получила от бывшей хозяйке очень приличные отступные. Зато после ее ухода в доме воцарился мир и покой. Место экономки заняла старшая горничная донья Валенсия, женщина простая, трудолюбивая и веселая.

Еще большие изменения произошли в самой хозяйке старинного особняка. Под руководством сеньора Лаццаро Лилианна полностью поменяла свой внешний облик. Все ее черные, серые и коричневые платья были розданы прислуге, сама же девушка теперь носила платья не очень ярких, но насыщенных цветов: светло-желтого, нежно-зеленого, голубого, розового и светло-сиреневого. В сочетании с простым элегантным покроем, придуманным специально для доньи Сальваро, эти наряды стали эталоном моды и стиля. Сеньор Лаццаро, вместе с известной в Мадриде портнихой, лично продумывал до мелочей каждое платье своей протеже. Лишь красный цвет, был навсегда изгнан из гардероба. Сеньор Лаццаро с пониманием отнесся к этому маленькому капризу, в остальном же Лилианна полностью полагалась на его чутье и вкус. В дипломатическом и придворном мире очень строго придерживались протокола об одежде парадной, приемной, для утренних приемов, вечерних приемов и балов.

Как ни странно, в отличие от самой Лилианны венецианец хорошо разбирался не только в тонкостях женского гардероба, но и в том что и куда следовало одевать.

– Всю жизнь я мечтал заняться чем-то подобным, – смущаясь, признался он однажды, взяв с Лилианны слово о том, что никто никогда об этом не узнает.

Сеньор Лаццаро же познакомил ее с неизвестным, но очень талантливым молодым парикмахером. Благодаря ему, длинные непослушные волосы превратились в короткую модную стрижку, которая необыкновенно преобразила лицо девушки. Лилианна долго не соглашалась на это рискованный шаг, ведь носить женщине короткие волосы не было принято в Испании, да и в Англии тоже. И лишь получив комплимент из уст короля, в тишине переполненного зала, девушка поняла, что победила. Победила свою робость, свои страхи, своих врагов.

Салон

Как и предсказывал сеньор Лаццаро идея с художественным салоном получила большой успех. Сначала пошли слухи о нескольких вечерах, на которых похорошевшая и осмелевшая донья Сальваро пригласила известных художников, включая модного мсье Жако и известного в Европе сеньора Лаццаро. Дальше больше, за художниками и их прекрасными юными музами последовали представители знати и богема. В период новогодних праздников, когда праздничная эйфория захватывала и кружила в вихре феерических развлечений и изысканных удовольствий, гостеприимный дом до-

ньи Сальваро был переполнен. Прислуга вместе с хозяйкой сбились с ног, что бы удовлетворить запросы придирчивой публики. Лилианна то и дело принимала гостей, рассаживала дам, предлагала легкие закуски и дорогие вина.

– Сегодня было столько народу, что пришлось срочно заказывать еще двадцать порций готовой закуски и выпечки. Придется нанять еще повара и несколько помощников на кухню. И еще горничную и швейцара.

Прислуга просто сбилась с ног. К утру я просто падаю от усталости! – пожаловалась Лилианна сеньору Лаццаро.

– Ничего, дитя мое, это все поначалу. Большую часть посетителей в этот дом приводит любопытство, а не любовь к прекрасному. А как только новизна пройдет, останутся лишь сами ваятели и их истинные ценители.

Так и получилось. Уже к февралю выявился небольшой, но изысканный круг завсегдателей, которые трижды в неделю проводили время за тихой беседой в уютной гостиной старинного дома. Вечера без политики привлекали и образованных женщин, и знатных мужчин. Здесь можно было встретить и французского офицера и испанского гранда и профессора университета, жарко спорящего с известным врачом о картине Эль Греко "Мученичество Святого Маврикия". Почти две недели гости доньи Сальваро наслаждались обществом известного французского живописца Ватто Антуан. Больше всего Лилианне понравился друг сеньора Лаццаро Хиль Раиса. Этот импозантный седой мужчина

был изумительным рассказчиком, которого можно было слушать часами. Особенно часто он рассказывал о своем знаменитом учителе Гойа-и-Лусиентес Франциско Хоссе. Конечно же имя этого придворного художника знал любой образованный человек. Его портреты королевской семьи и герцогини Альба были так же известны в Европе, как и последняя военная серия «Бедствия войны». При прошлом короле он расписывал интерьеры церквей и дворцов. Однако девушку впечатлила сама его биография, которая была похожа на сказку, с печальным концом. Маленький Франциско, сын бедного позолотчика алтарей из небольшого селения близ Сарагосы, однажды нарисовал на стене своего дома свинью, да так искусно, что проходивший мимо прохожий посоветовал ему учиться дальше. Отец мальчика внял советам и отправил сына в город. И не зря. Уже через несколько десятков лет Франческо, стал не только придворным художником королевской семьи, но и в 1786 г. был назначен вице-директором Королевской Академии изящных искусств Сан-Фернандо. Затем в 1792 году, будучи в Севилье, художник серьезно заболел. Не смотря на выздоровление, болезнь оставила ему глубокую и неизлечимую глухоту в возрасте 46 лет, что сильно повлияло не только на его мировоззрение и отношение к жизни, но и отложило печать на все его творчество. Эту историю рассказал Лилианне Жиль Раиса, за чашкой дымящегося чая. Девушка была впечатлена. В испанском кастовом обществе, где все решало происхождение семьи, пробиться

сыну бедного мастера было очень не просто. Тем страшнее казалась усмешка судьбы, которая в зените славы лишила слуха этого великого человека. До сих пор отношение к людям творческих профессий: к актерам, художникам, музыкантам, поэтам у света было весьма пренебрежительное. Без покровительства состоятельного знатного человека практически невозможно было сделать имя даже очень талантливому художнику. Сам же сеньор Лаццаро происходящий из знатной венецианской семьи отзывался о друзьях с неизменным почтением и обожанием. Лилианна же искренне любившая художника, с радостью открывала свои двери для их многочисленной и не всегда обеспеченной братии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.